

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

26 **ГЛАВНЫХ**
РАЗВЕДЧИКОВ
РОССИИ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Жизнь замечательных разведчиков

Леонид Млечин

26 главных разведчиков России

«Алисторус»

2017

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)6-8

Млечин Л. М.

26 главных разведчиков России / Л. М. Млечин — «Алисторус»,
2017 — (Жизнь замечательных разведчиков)

ISBN 978-5-906979-07-0

В книге собраны портреты 26 руководителей советской и российской политической разведки, начиная с первого начальника иностранного отдела ВЧК и заканчивая нынешним директором СВР. Среди них есть такие известные персонажи, как Артур Артузов, Павел Судоплатов, Владимир Крючков, Леонид Шебаршин или Евгений Примаков, так и те, чьи достижения и провалы ведомы только профессионалам. Кем были эти люди, которые в разное время возглавляли ведомство на Лубянке? Какие качества помогли им добраться до должности главного разведчика страны? За судьбами начальников разведки – поворотные события в жизни нашей страны и в мире.

УДК 929(470)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906979-07-0

© Млечин Л. М., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

От автора	6
Часть первая	9
Яков Давтян. Приказ № 169	9
Соломон Могилевский. Загадочная авиакатастрофа	13
Меир Трилиссер. Легальные и нелегальные резидентуры	16
Станислав Мессинг. Охота на вредителей	25
Артур Артузов. «Трест», «Синдикат» и заговор против Тухачевского	28
Абрам Слуцкий. Чай с отравой	43
Сергей Шпигельглас. Похищение в Париже	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Леонид Михайлович Млечин

26 главных разведчиков России

© Млечин Л.М., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Современные технологии меняют практику разведывательных служб. Невероятный по масштабам скандал разгорелся в Соединенных Штатах не из-за того, что контрразведка вскрыла искусно созданную шпионскую сеть. Причиной стали новаторские операции в киберпространстве!

Не специально обученные действовать на территории противника оперативные работники, а никому не ведомые знатоки компьютерного мира, находясь на другой стороне земного шара, не только проникли в секреты американской политики, но и попытались на нее повлиять. Последствия подобных акций куда значительнее традиционных разведопераций.

Уже забылось, что несколько лет назад министерство юстиции США сообщило о раскрытии сети разведчиков-нелегалов, работавших на Службу внешней разведки России.

Федеральное бюро расследований рассказало, что слежка за российской агентурой продолжалась много лет, прослушивались телефонные разговоры, в домах установили микрофоны, вели круглосуточное наблюдение. Арестовали одиннадцать человек. Но предъявить обвинение в шпионаже им не смогли! Обвинили в работе на иностранное правительство, отмывании денег, подделке паспортов и использовании чужих имен.

Это показалось странным. Еще удивительнее – разнородный состав группы. Опытный нелегал, несколько человек с выданными на имя давно умерших людей паспортами (в основном с канадскими) и граждане России, которые не скрывали своего происхождения. Что между ними общего?

После арестов летом 2010 года одни возмущались тем, что американцы взяли непричастных, другие говорили о деградации российской разведки, прибегающей к помощи дилетантов. Более трезвый анализ показал: в современном мире работа разведки становится невероятно сложной. Борьба с терроризмом привела к усложнению процедур проверки. Привычные способы засылки нелегалов с паспортами на чужие имена уходят в прошлое. Попытка установить связь с агентом тоже часто заканчивается провалом.

Разведки приспособляются к меняющемуся миру и ищут новые способы проникновения в интересующую их среду. Одна из очевидных идей – используя открытость современного общества, наладить внедрение под собственными именами в надежде, что молодые люди без прошлого не вызовут подозрений, сумеют устроиться и со временем займут важные для службы позиции.

Необычной была реакция российских руководителей на аресты в США. Правительства не признают публично своей ответственности за нелегальных разведчиков и выручают их закулисно. На сей раз все было иначе. Министерство иностранных дел сразу же признало всех арестованных гражданами России и обещало им всю необходимую помощь. В обмен на отказ от судебного процесса над арестованными разведчиками Москва согласилась выпустить четырех осужденных за шпионаж.

Тогдашний президент страны Дмитрий Анатольевич Медведев помиловал бывшего полковника военной разведки Сергея Скрипаля, обвиненного в работе на британскую разведку, ученого Игоря Сулягина, бывшего полковника СВР Александра Запорожского и бывшего майора КГБ Геннадия Василенко, признанных виновными в шпионаже в пользу Соединенных Штатов.

А суд в Нью-Йорке приговорил девятерых граждан России и одну гражданку Перу к одиннадцати дням заключения, которые они отбыли, конфискации имущества и высылке из США. Они подписали соглашение с обвинением, признав себя виновными в «преступном сговоре с целью действовать в качестве тайных агентов правительства Российской Федерации». Обвинение в заговоре с целью отмывания денег с них сняли. Все они подтвердили в суде, что тайно

работали на Россию. Все признали, что их деятельность носила преступный характер, и согласились с тем, что без разрешения министра юстиции США они никогда не вернутся в Соединенные Штаты.

Обмен произвели в аэропорту Вены.

С вернувшимися на родину разведчиками встретился Владимир Владимирович Путин, тогда премьер-министр, спел с ними песню «С чего начинается родина». Президент Медведев всех наградил. Обещали их хорошо трудоустроить, и, судя по тому, что просочилось в прессу, обещания исполнены.

Впрочем, два вопроса так и остались без ответа.

Первый: как и по чьей вине они провалились? Арестованные, судя по всему, не представляли собой организованную группу, но каким-то образом обратили на себя внимание ФБР. В результате был провален разведчик, называвший себя Хуан Ласаро. Его внедрение началось еще в середине семидесятых через Испанию. Он сумел натурализоваться в Перу, женился там и с подлинными документами перебрался в США.

Это история абсолютного успеха! Отсутствие текущей информации, получаемой от него, не должно вводить в заблуждение. В советские времена нелегалы внедрялись на случай чрезвычайных обстоятельств – то есть войны. Когда посольство и все остальные официальные учреждения закроются, разведчикам, действующим под легальным прикрытием, придется покинуть страну. Вот тогда пробьет час нелегальных резидентур, они возьмут на себя всю разведывательную работу...

Как же его потеряли? Разоблачительные статьи сначала о некоем полковнике Щербакове из внешней контрразведки, затем о столь же таинственном полковнике Потееве из управления нелегальной разведки, которые перебежали к американцам и всех продали, не показались убедительными...

И второй вопрос: есть ли все-таки необходимость тратить такие деньги и усилия на засылку агентуры, если она годами не добывает никакой полезной для государства информации?

Зачем вообще существует разведка?

Соединенные Штаты и Россия считают необходимым содержать гигантский разведывательный аппарат прежде всего потому, что разведка – атрибут великой державы.

Разведка обещает вовремя предупредить страну о возникновении угрозы для национальной безопасности страны. Но история показывает, что даже самая мощная служба не способна спасти государство от внезапного нападения. Что интересно: если нападение или иная угроза застигнет страну врасплох, разведка всегда сумеет оправдаться. Она станет доказывать, что предупреждала о грядущем нападении, но к ней или не прислушались, или ее сообщения неправильно поняли.

Способна ли разведка предсказать войны, революции, государственные перевороты, падение правительств?

У американцев, например, длинный список претензий к собственной разведке. Она не сумела предсказать нападение японцев в декабре сорок первого на американскую базу в Перл-Харборе, способность Советского Союза быстро создать собственное атомное оружие, исламскую революцию в Иране, страшный теракт 11 сентября 2001 года, революционную волну на Ближнем Востоке в 2011 году, появление мощной террористической организации, которая попыталась создать халифат на территории Ирака и Сирии.

Разведчики предпочитают молчать о том, чем они занимаются, утверждая, что раскрытие секретов опасно для безопасности страны. Так что совершенно невозможно установить степень эффективности разведки. Некоторые историки утверждают, что разведка не приносит никакой реальной пользы. Разведки стоят слишком дорого, они не оказывают реального влияния на политику своих государств, а заняты борьбой друг с другом.

Германский канцлер Отто фон Бисмарк писал в своих воспоминаниях, что никогда не верил своим разведчикам, потому что большую часть времени они тратили на придумывание историй, которые должны были подтвердить их незаменимость, а также доказать, что выделенные им деньги потрачены не зря.

Разведчики же обыкновенно отвечают, что безоружны перед клеветой, поскольку не имеют права разглашать истину, поэтому их успехи остаются невоспетыми, а о неудачах трубят на каждом шагу.

Часть первая

Отечественная разведка в лицах

Яков Давтян. Приказ № 169

В Советской России разведку стали создавать на три года позже контрразведки и политической полиции. Разведка понадобилась тогда, когда сражение за власть уже было выиграно.

В апреле 1920 года внутри особого отдела ВЧК, военной контрразведки, появилось новое подразделение – иностранный отдел. В разработанной для него инструкции говорилось, что в каждой стране, где откроется дипломатическое или торговое представительство Советской России, будет создана и резидентура разведки. Причем разведчики займут официальное положение в представительстве, но только главу миссии поставят в известность, кто из его подчиненных на самом деле резидент.

12 декабря 1920 года создатель советских карательных органов Феликс Эдмундович Дзержинский написал управляющему делами ВЧК:

«Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия.

Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом».

После окончания Гражданской войны у чекистов появились новые заботы и новые интересы. Советская власть в России утвердилась, хотя большевики по-прежнему опасались интервенции. На очереди была мировая революция. В политбюро хотели знать, что происходит в других странах: не готовятся ли они напасть на Россию и не созрели ли для народного восстания?

20 декабря Дзержинский подписал знаменитый приказ № 169:

«1. Иностранный отдел Особого Отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному Отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Временно исполняющим обязанности начальника иностранного отдела стал Яков Христофорович Давтян (в чекистском обиходе использовался псевдоним – Давыдов). Он родился в 1888 году в Нахичевани. Отец рано умер, заботу о воспитании мальчика взял на себя дядя. Яков Давтян окончил 1-ю Тифлисскую гимназию и поехал поступать в Петербургский университет. В социал-демократическую партию он вступил в 1905 году, еще учась в гимназии.

За активную подпольную деятельность молодой большевик был в 1907 году арестован. Его выпустили под залог, и он сразу уехал в Бельгию, где учился в политехническом университете. Там он познакомился с Инессой Арманд, возлюбленной Ленина. Она сыграла решающую роль в судьбе Якова Христофоровича. Во время Первой мировой войны Германия оккупировала Бельгию. Яков Давтян был арестован как гражданин враждебной страны. Его освободили только в августе 1918 года, когда в Берлин приехал первый советский полпред Адольф Иоффе, член ЦК и соратник Троцкого.

После заключения Брестского мира Советская Россия воспринималась немецкими властями почти как союзник, и личного поручительства полпреда было достаточно, чтобы Давтян вышел на свободу. Он вернулся в Москву. В сентябре 1918 года его утвердили заместителем председателя Московского губернского совнархоза, которым руководила Инесса Арманд.

В феврале 1919 года вместе с Инессой Арманд и Дмитрием Мануильским в составе миссии Российского Красного Креста поехал в Париж, где занимался возвращением русских солдат из экспедиционного корпуса на родину. В мае они вернулись в Новороссийск.

Якова Давтяна командировали в Киев уполномоченным Совета обороны, выдали грозный мандат:

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств войсковых эшелонов, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам ими пользоваться не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим преданием суду состоящего при нем Ревтрибунала всех не подчиняющихся его распоряжениям, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом».

На Южном фронте он был начальником политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В начале 1920 года Давтяна отозвали в Москву, в Наркомат по иностранным делам. Назначили первым секретарем полпредства в Эстонии, затем он был секретарем делегации, которая во главе с заместителем главы советского правительства Львом Борисовичем Каменевым отправилась в Англию договариваться об урегулировании спорных вопросов.

В конце года Давтяна вернули в Наркомат по иностранным делам и назначили заведовать отделом Прибалтики и Польши. Одновременно Инесса Арманд рекомендовала его председателю ВЧК. А Феликсу Эдмундовичу нужен был образованный человек, знающий заграничную жизнь. 12 ноября 1920 года по просьбе Дзержинского оргбюро ЦК, ведавшее распределением партийных кадров, перевело Давтяна из наркоминдела в ВЧК.

30 ноября ему поручили исполнять обязанности начальника еще не созданного иностранного отдела. Яков Давтян продолжал совмещать работу в двух ведомствах, благо они находились рядом друг с другом – наркоминдел располагался тогда в доме бывшего страхового общества «Россия» на пересечении Кузнецкого моста и Лубянки (теперь это площадь Воровского). Дипломаты несколько иронически называли чекистов «соседями». Это словечко прижилось и употребляется до сих пор.

Победа в Гражданской войне показала, что советское правительство твердо контролирует всю территорию России. Противники большевиков бежали и превратились в эмигрантов. При всей симпатии к ним западные правительства больше не могли игнорировать реальность – Россия слишком большая страна, чтобы вовсе не поддерживать с ней отношения. Правда, процесс признания Советской России растянулся на десятилетие. Основная часть мирового сообщества не желала иметь дело с коммунистическим правительством.

Дипломатические отношения с Соединенными Штатами были установлены только 16 ноября 1933 года. Открытие советского посольства в Вашингтоне происходило с большой пом-

пой. Прием был организован великолепно, знатные вашингтонцы валом валили в посольство, поскольку это было любопытно, а также потому, что ожидалось шампанское.

Шампанское действительно подавали, а также и водку. Сухой закон, действовавший с 1917 года, только что был отменен, но пострадавшие американцы никак не могли утолить свою жажду. В драке из-за икры и шампанского оказалось немало пострадавших, причем только американцев. Русские были предупреждены, что в случае эксцессов их отошлют домой.

Первый полпред в Соединенных Штатах Александр Антонович Трояновский никогда больше не угощал американских гостей водкой на больших приемах. Он пришел к неутешительному для американцев выводу:

– Они не умеют пить.

Создание легальных резидентур советской политической разведки под крышей официальных представительств шло медленно. Но разведчики устраивались в любом советском учреждении за границей.

Начальником иностранного отдела ВЧК Давтяна так и не утвердили, хотя он написал записку в управление делами ВЧК:

«Ввиду того, что, исполняя обязанности начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 года, я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Но не сложились у него отношения с чекистским руководством. Он, подумав, все-таки предпочел дипломатию как более надежное дело и 20 января 1921 года вернулся в наркоминдел. Его назначили советником полпредства в Венгрию, где власть перешла к революционному правительству.

На посту руководителя иностранного отдела ВЧК Давтяна сменил Рубен Павлович Катанян, который до этого работал в политуправлении Реввоенсовета Республики, а потом в аппарате ЦК партии. Катанян был родом из Тифлиса, окончил юридический факультет Московского университета, до революции работал адвокатом. В студенческие годы присоединился к социал-демократам и находился под негласным надзором полиции.

После революции он работал в «Известиях», в 1919-1920-м – заместитель начальника политуправления Реввоенсовета Республики. В июне 1920 года его утвердили заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии.

Он был начальником разведки с 20 января по 10 апреля 1921 года. Из разведки он по собственному желанию ушел в прокуратуру. Юридическая стезя привлекала его больше оперативной работы. В 1938 году Катаняна посадили, он провел семнадцать лет в местах не столь отдаленных. В пятьдесят шестом его реабилитировали, и еще десять лет он прожил на свободе.

В иностранный отдел вернулся Яков Давтян. Его поездка в Венгрию не состоялась, потому что социалистическое правительство там уже свергли. Но и второе пришествие Якова Христофоровича было недолгим. В августе 1921 года он был утвержден полпредом в Литве. А в сентябре поехал временным поверенным в делах РСФСР в Китае. При этом его утвердили главным резидентом в Китае.

Давтян не только вел основную часть дипломатической работы, но и успешно занимался вербовкой агентуры. Самоуверенно писал в ИНО:

«Наша специальная работа идет хорошо. Она идет хорошо, Если Вы следите за посылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем смею сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не оставляет для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

В 1924 году его отозвали в Москву. Теперь его послали полпредом в Туву. После возвращения работал заместителем председателя треста Чаеуправления, а в мае 1925 года поехал в Париж советником полпредства. Полпредом был Христиан Георгиевич Раковский, бывший руководитель Украины, отправленный в дипломатическую ссылку за дружбу с Троцким. Осенью 1927 года его перевели полпредом в Персию (Иран).

«Длительное пребывание в Европе оставило на нем резкий отпечаток, выделивший его среди других крупных советских работников. Высокий, красивый брюнет с правильными чертами лица, корректно обращавшийся к окружающим, Давтян производил очень выгодное впечатление. В отличие от прежних послов Давтян имел еще то преимущество, что владел европейскими языками», – таким полпред в Иране Давтян запомнился Георгию Сергеевичу Агабекову, назначенному в 1927 году резидентом советской внешней разведки в Тегеран.

Агабеков стал первым советским разведчиком, бежавшим на Запад. Свои воспоминания он написал еще в 1930 году. Они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика». Летом 1937 года Агабеков, судя по всему, был ликвидирован недавними сослуживцами из летучей группы иностранного отдела, уничтожавшей перебежчиков.

У Якова Давтяна разведчик Агабеков обнаружил не одни только достоинства:

«Оборотная сторона его характера сводила на нет все его преимущества. Он был трусливым, нерешительным человеком, без всякой инициативы. Трудолюбие его ограничивалось исполнением без размышления всех директив Москвы. По самым незначительным вопросам он запрашивал разрешения Москвы».

В декабре 1929 года Давтяна вернули в Москву. Полгода проработал директором Ленинградского политехнического института, еще полгода – директором Ленинградского машиностроительного института, а в январе 1931 года его утвердили начальником сектора проверки исполнения ВСНХ ССР.

В 1932 году его послали полпредом в Грецию, а в апреле 1934-го перевели в Варшаву. Осенью 1937 года Якова Давтяна внезапно отозвали из Польши. 21 ноября арестовали. Его обвинили в работе на польскую разведку и в создании правотроцкистской организации в советском полпредстве в Варшаве, выжимали нужные следствию показания совершенно фантастического свойства.

30 апреля 1938 года нарком внутренних дел генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов отправил Сталину «сводку важнейших показаний арестованных Управлениями НКВД за 28-е апреля». В списке значится и Давтян, бывший полпред в Польше:

«Давтян дал дополнительные показания о том, что в 1937 году в Париже представитель Закавказской Федерации Пирумов Симон связал его с крупным нефтяником – английским подданным Гульбенкяном, который договорился с Давтяном о совместной работе под руководством англичан за отрыв Армении от СССР... Давтян будучи в Персии вел практическую контрреволюционную националистическую работу, имея связь с Местроном (представитель духовенства, английский разведчик) и английским консульством...»

28 июля 1938 года первого начальника советской разведки расстреляли.

Соломон Могилевский. Загадочная авиакатастрофа

Некоторое время иностранный отдел ВЧК, а с 6 февраля 1922 года – ИНО ГПУ возглавлял Соломон Григорьевич Могилевский.

Он родился в 1885 году в Екатеринославской губернии. Совсем молодым присоединился к социал-демократам, в 1904 году был арестован. Его, как и Давтяна, выпустили под залог. И он точно так же уехал за границу – в Швейцарию. Поступил на юридический факультет Женевского университета и познакомился с Лениным, безоговорочно поверив в его правоту. Вернувшись в 1906 году в Россию, вел подпольную работу. После первой русской революции поступил на юридический факультет Петербургского университета, отсюда перевелся в Москву.

В Первую мировую Соломона Могилевского мобилизовали в царскую армию. Служил под Минском. После Февральской революции вошел в состав Минского совета. После Октябрьской революции Могилевский работал в Иваново-Вознесенске, где его сделали сначала губернским комиссаром юстиции, затем председателем революционного трибунала. Весной 1918 года его взяли в Москву в Наркомат юстиции и почти сразу отправили восстанавливать советскую власть в Поволжье, оттуда перебросили на Украину, назначили заместителем председателя ревтрибунала 12-й армии.

Осенью 1919 года Могилевского вернули в Москву заведующим следственной частью московской Чрезвычайной комиссии, затем повысили – утвердили заместителем начальника особого отдела МЧК.

В августе 1921 года, после ухода Давтяна, Соломон Могилевский стал руководителем иностранного отдела ВЧК. Видимо, учли, что до революции он некоторое время жил в эмиграции, следовательно, среди не слишком грамотных чекистов считался знатоком иностранной жизни.

В феврале 1922 года ВЧК преобразовали в Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел. В утвержденном политбюро, а затем и ВЦИК «Положении о Государственном политическом управлении» перечислялись задачи нового ведомства:

- предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений;
- борьба с вооруженными восстаниями,
- раскрытие контрреволюционных организаций в народном хозяйстве;
- охрана государственных тайн и борьба со шпионажем;
- охрана железнодорожных и водных путей сообщения, борьба с хищениями грузов;
- охрана государственных границ;
- выполнение специальных заданий ВЦИК и Совнаркома по охране революционного порядка.

Разведка в этом исчерпывающем перечне задач ГПУ даже не упоминается. Это свидетельствует о том, что закордонная разведка в тот момент мало интересовала руководство страны. Иностраный отдел включили в состав секретно-оперативного управления ГПУ.

Разведкой Могилевский руководил недолго. В те годы шла кадровая чехарда, более или менее ценных работников перебрасывали с места на место. В марте 1922 года Могилевского назначили полномочным представителем ГПУ в только что созданной Закавказской Федерации, объединившей Грузию, Азербайджан и Армению. Одновременно он получил под командование внутренние и пограничные войска Закавказской Федерации. Заместителем ему дали Лаврентия Павловича Берия, молодого, но подававшего большие надежды чекиста.

За подавление восстания в Грузии, которое назвали меньшевистским, Могилевский получил орден Красного знамени.

Соломон Могилевский погиб 22 марта 1925 года, когда во время перелета из Тифлиса в Сухуми загорелся и рухнул самолет «Юнкерс-13». Погибли и летевшие с ним кандидат в

члены ЦК и секретарь Закавказского краевого комитета партии Александр Федорович Мясников (Мясникьян), заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Георгий Александрович Атарбеков и оба летчика.

Некоторые историки полагают, что катастрофа не была случайной: Могилевский что-то узнал о своем заместителе Берии и хотел доложить об этом. Но не успел – Лаврентий Павлович его убрал. Впрочем, другие исследователи полагают, что Берия опасался не Могилевского, а замнаркома Георгия Атарбекова, который раньше служил в ЧК и считал Берию темной личностью.

Но эта версия не подкреплена никакими доказательствами. Во-первых, взорвать самолет вовсе не простое дело. Во-вторых, Лаврентий Павлович Берия, конечно, вполне был способен на любое преступление, но в тот момент ему, вообще говоря, нечего было опасаться. Незачем было и устранять пассажиров «Юнкерс-13».

Карьера Берии началась с того, что он по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где у власти находилась партия «Мусават» (в переводе на русский – «Равенство»). С осени 1919 года по март 1920 года молодой Лаврентий Берия официально служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны независимой Азербайджанской республики.

Лаврентий Павлович всегда утверждал, что выполнял поручение товарищей по партии. Их эта история смущала, устраивались проверки, опрашивали уцелевших подпольщиков. И именно в 1925 году ЦК компартии Азербайджана принял решение, которое полностью оправдывало Берию.

Лаврентий Павлович совершил много преступлений, но что бы про него ни говорили, служил он только одной власти – советской...

В апреле 1922 года в составе ГПУ был образован еще и восточный отдел, который ведал национальными республиками в азиатской части страны и их связями с соседними государствами. Нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин довольно быстро установил дипломатические отношения с Афганистаном, Турцией, Китаем, Ираном, Саудовской Аравией.

Руководил восточным отделом Ян Христофорович Петерс, бывший заместитель председателя ВЧК.

«Петерсу было тридцать два года, но выглядел он еще моложе, – таким его увидела в начале семнадцатого американская журналистка Бесси Битти, приехавшая в Россию после февральской революции. Энергичный, подвижный, нервный малый с копной кудрявых, зачесанных со лба черных волос, с вздернутым носом, придававшим его лицу вопрошающее выражение. Голубые глаза были необычайно добрыми».

Петерс произвел на американку глубокое впечатление своей искренностью. Ночью 25 октября 1917 года, когда власть в Петрограде перешла к большевикам, он ей сказал:

– Если мы потерпим поражение, все пропало. Мне первому перережут горло. Но все-таки мы сделаем попытку, и если даже мы будем разбиты, я знаю: придет день, когда мир скажет, что темная Россия сделала все, чтобы дать мир всем измученным войной народам!

Петерс, старый большевик, вошел в первый состав коллегии ВЧК. В 1918 году он допрашивал английского дипломата Роберта Брюса Локкарта, обвиненного в заговоре против советской власти. Петерс показал англичанину свои ногти в доказательство тех пыток, которым подвергся в застенках дореволюционной России, пишет Локкарт. Ничто в характере Петерса не обличало бесчеловечное чудовище, каким его обычно считали. Петерс говорил Локкарту, что каждое подписание смертного приговора причиняет ему физическую боль.

«Я думаю, – писал Локкарт, – это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком, он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости... Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес,

решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа...»

Летом 1918 года Ян Петерс два месяца исполнял обязанности председателя ВЧК, когда после левозсеровского мятежа Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК. Тогда по указанию Ленина допросили и самого Дзержинского: он тоже находился под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные-чекисты. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор?

Феликс Эдмундович легко оправдался и вернул себе полномочия председателя ВЧК, а Ян Петерс отправился наводить порядок на железных дорогах. Потом он был комендантом Петроградского, Киевского укреплённых районов.

Два года он провел в Туркестане представителем ВЧК. Вернувшись в Москву, стал членом коллегии ГПУ, затем ОГПУ. Штат восточного отдела составлял семьдесят человек. Под началом Петерса начинал знаменитый боевик Леонид (Наум) Исаакович Эйтингон, непосредственно занимавшийся убийством Троцкого и дослужившийся в госбезопасности до полковника.

Ян Петерс работал в органах госбезопасности до 1930 года, когда Сталин сменил руководство ОГПУ. Одновременно восточный отдел включили в состав особого отдела (военная контрразведка). Петерс работал в Центральной контрольной комиссии при ЦК, партийной инквизиции. В 1938 году его расстреляли как латвийского шпиона.

Меир Трилиссер. Легальные и нелегальные резидентуры

Девять лет разведкой руководил Меир Абрамович Трилиссер. Он родился в 1883 году в Астрахани. Окончил реальное училище и уехал в Одессу, где в 1901 году присоединился к социал-демократам. После первой русской революции был арестован. Два года шло следствие, приговор – восемь лет каторжных работ. Отсидел пять лет и был выслан на вечное поселение в Сибирь. Он получил свободу после Февральской революции и обосновался в Иркутске, где его избрали секретарем Иркутского совета. В 1918 году Трилиссера назначили председателем Иркутской ЧК.

Во время японской интервенции на Дальнем Востоке он вел подпольную работу в Благовещенске. Два года работал председателем Амурского областного ревкома и членом Дальневосточного бюро ЦК. После X съезда партии в марте 1921 года Трилиссера хотели оставить в аппарате ЦК или Коминтерна, но Дзержинский переманил к себе умелого подпольщика.

В августе 1921 года Трилиссер стал помощником начальника иностранного отдела и руководителем закордонной части, то есть отвечал за работу всех резидентур, легальных и нелегальных. Первоначально нелегальные резидентуры создавались на случай войны. Считалось, что всех разведчиков, работающих под дипломатической «крышей», вышлют, а разведчики, находящиеся на нелегальном положении, смогут остаться и продолжат работу. Потом пришли к сочетанию легальных и нелегальных резидентур, вторые брали на себя работу, опасную для официального советского представителя.

Закордонная часть иностранного отдела по положению была «организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного и контрразведывательного характера».

«За границей, – говорилось в положении об иностранном отделе, – в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной Частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся резидентами».

В 1921 году появились легальные резидентуры в Афганистане и Турции, потом в Иране. В 1922-м – легальная резидентура в составе представительства РСФСР в Берлине.

В декабре 1921 года Трилиссера утвердили заместителем начальника иностранного отдела, а 13 марта следующего года он возглавил разведку. При нем начался расцвет советской разведки, впоследствии сведенный на нет сталинскими репрессиями. Меир Абрамович был спокойным и осторожным человеком, избегавшим поспешных шагов. В иностранном отделе его за глаза называли «Стариком» и «Батькой».

При Трилиссере первое поколение советских разведчиков вполне профессионально освоило это ремесло. Они выработали принципы работы заграничных резидентур, приемы переброски за границу нелегалов, методы вербовки агентуры и способы поддержания связи со своими агентами. Переписку с нелегалами вели, используя симпатические чернила – фотографический гипосульфит, который легко было приготовить. Разумеется, успехи советской разведки были в значительной степени обусловлены значительной помощью, которую оказывали ей Коминтерн, легальные и нелегальные структуры различных компартий и отдельных коммунистов, считавших своим долгом помогать Москве.

Трилиссера ценил Вячеслав Рудольфович Менжинский, который в роли заместителя председателя ГПУ-ОГПУ курировал внешнюю разведку. 30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Менжинский занял его место. Трилиссер, в свою очередь, получил должность заместителя председателя ОГПУ. Помимо иностранного отдела он курировал и пограничную охрану, занимался внутренним политическим сыском. Его позиции подкрепило избрание членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

Трилиссер в июле 1927 года вывел иностранный отдел из состава секретно-оперативного управления ОГПУ (им руководил восходящая звезда советской госбезопасности Генрих Григорьевич Ягода), и теперь разведка фактически подчинялась ему одному.

Менжинский и Трилиссер сделали советскую разведку, возможно, самой сильной в мире. Во-первых, в разведку пришли работать опытные люди, большевики, прошедшие школу подполья, конспирации, борьбы с царской полицией и тюрем. Во-вторых, первое поколение советских разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома или в прямом смысле дома.

И наконец, самое главное. До появления Советской России считалось, что разведка и контрразведка нужны только во время войны, а в мирное время их распускали, довольствуясь обычной полицией.

Немецкие спецслужбы фактически вообще перестали существовать после поражения в Первой мировой. Соединенные Штаты Америки до Второй мировой войны не имели разведывательной службы и стали создавать ее с помощью англичан лишь после вступления в войну. Англичане сократили штаты спецслужб донельзя, то же сделали и французы. И только аппараты советской политической и военной разведок росли, как на дрожжах. Советская Россия считала себя в состоянии войны чуть ли не со всем миром, поэтому вполне естественно для нее было и вести подпольную войну по всему земному шару.

Еще одна особенность советской разведки состояла в том, что она занималась не только сбором информации, но и уничтожением врагов советской власти, политических оппозиционеров, вынужденных покинуть Россию.

В постановлении политбюро N 59 от 1923 года говорилось: «Усилить работу ИНО ГПУ за границей в направлении пресечения связи меньшевиков с Россией...»

После разгрома очередной оппозиции в стране список тех, за кем надо было вести наблюдение, все увеличивался. До поры, до времени оппозиционеров высылали за границу. И перед разведкой ставилась задача следить за ними.

Первое поколение советских разведчиков во многом состояло из идеалистов, преданных идее мировой революции. Они шли в разведку не ради поездки за границу. Они служили делу, которое считали великим. Сначала они обратились за помощью к естественным союзникам – иностранным компартиям, но быстро поняли, что открыто действующий член коммунистической партии не может быть успешным агентом: он на учете в полиции, и ему никуда нет ходу.

Тогда вербовщики советской разведки стали искать агентов «на вырост» – перспективную молодежь левых убеждений. Молодых людей, которые соглашались сотрудничать, убеждали не афишировать свои истинные взгляды и искать место в государственном аппарате, желательно в специальных службах. Такие идейные волонтеры в Европе между двумя мировыми войнами оказались лучшими агентами, но их было сравнительно немного, поэтому искали и людей, которые соглашались работать за деньги.

Вербовщики советской разведки, наверное, первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, те, кто вынужден вести двойную жизнь, умеют хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства: в постели выведываются любые секреты. В-третьих, в среде гомосексуалистов были распространены социалистические идеи. В Англии в тридцатые годы братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном.

Ценность таких людей разведка поняла, воспользовавшись услугами одного из знаменитых своих агентов, англичанина Гая Берджесса, друга и соратника Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника английского Военного министерства, что Берджесс и сделал, вступив с ним в интимную связь.

Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, сифилисом, который тогда плохо лечили, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что их не оценили, не при-

знали, трудности с карьерой, желание тайно повелевать окружающими – вот что привело целую когорту молодых англичан в сети московских вербовщиков. Не желая взглянуть правде в глаза, эта публика находила успокоение в мыслях о том, что все они служат великому делу. Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег. Бессребреники, занимавшиеся подделкой казначейских билетов. Двадцатые и тридцатые годы были временем, когда в разведку шли и ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней.

Задача состояла в том, чтобы умерить их авантюризм, научить быть незаметными. Политбюро 5 мая 1927 года постановило:

«Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими органами за границу по линии НКВД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств.

Вместе с тем обязать НКВД обеспечить соответствующие условия конспирации для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышеназванных организаций».

В 1930 году численный состав иностранного отдела составлял сто двадцать два человека, половина работала в заграничных резидентурах. 8-е отделение ИНО стало заниматься научно-технической разведкой за границей. Главная задача – добывать сведения об изобретениях, конструкторские разработки, производственные чертежи.

Серьезной проблемой стало сохранение тайны шифропереписки, это волновало и дипломатов, и разведчиков.

Еще 21 августа 1920 года нарком Чичерин писал Ленину:

«Многоуважаемый Владимир Ильич,
я всегда скептически относился к нашим шифрам, наиболее секретные вещи совсем не сообщал и несколько раз предостерегал других от сообщения таковых.

Не верно мнение тов. Каменева, что трудно дешифровать. От нашего сотрудника Сабанина, сына старого дешифровщика Министерства иностранных дел, мы знаем, что положительно все иностранные шифры расшифровывались русскими расшифровщиками. В последний период существования царизма не было иностранной депеши, которая бы не расшифровывалась, при этом не вследствие предательства, а вследствие искусства русских расшифровщиков.

При этом иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то самая система известна царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся в стане белогвардейцев за границей. Расшифрование наших шифровок я считаю вполне допустимым. Наиболее секретные сообщения не должны делаться иначе, чем через специально отправляемых лиц...»

Владимир Ильич Ленин, уверенный в своей способности дать нижестоящим товарищам дельный совет по всякому поводу, даже весьма экзотическому, откликнулся на обращение наркома в тот же день:

«Предлагаю
1. изменить систему тотчас
2. менять ключ каждый день, например, согласно дате депеши или согласно дню года (1-й... 365-й день и т. д. и т. п.)

3. менять систему или подробности ее каждый день (например, для буквы пять цифр; одна система: первая цифра фиктивная; вторая система: последняя цифра фиктивная и т. д.)

Если менять хотя бы еженедельно а) ключ и б) такие подробности, то нельзя расшифровать».

Через месяц Ленин вернулся к вопросу о шифрах. Эта проблема не давала ему покоя, потому что он всегда беспокоился о секретности переписки:

«Тов. Чичерин!

Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем, и внутреннем) нельзя давать заснуть.

Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты.

Необходима еще одна: с каждым важным послом (Красин, Литвинов, Шейнман, Иоффе и т. п.) обязательно установить особо-строгий шифр, только для личной расшифровки, т. е. здесь будет шифровать особо надежный товарищ, коммунист (может быть, лучше при ЦЕКА), а там должен шифровать и расшифровывать лично посол (или „агент“) сам, не имея права давать секретарям или шифровальщикам.

Это обязательно (для особо важных сообщений, 1–2 раза в месяц по 2–3 строки, не больше)».

25 сентября Чичерин ответил:

«Вообще вопросом о лучшей постановке шифровального дела в Республике занимается комиссия т. Троцкого. Что касается шифровального дела в нашем комиссариате, с понедельника у нас начнет работать т. Голубь, которого задача будет заключаться в превращении шифровок в официальные бумаги для рассылки их в таком совершенно измененном виде обычным получателям. Он же будет отделять наиболее конспиративные и чисто личные сведения от общеполитических, причем рассылаться будут последние, первые же сообщаться лишь самому ограниченному кругу лиц.

Иоффе уже имеет специальный шифр с Центральным комитетом. Единственный особо строгий шифр есть книжный. Пользоваться книжными шифрами можно лишь в отдельных случаях вследствие крайней громоздкости этой системы. Требуется слишком много времени. Для отдельных наиболее секретных случаев это можно делать. В начале все наши корреспонденты имели книги, но вследствие слишком большой громоздкости этой системы постепенно отказались. Можно будет восстановить эту систему для отдельных случаев, пользуясь казиями для извещения корреспондентов.

Устроить шифрование при ЦК нецелесообразно, так как при рассылке и передаче шифровка может попасть в посторонние руки, и вернее будет предоставить в наиболее важных случаях шифрование самым надежным шифровщикам».

Техническую сторону секретной переписки с иностранными представительствами (разработка шифров, а потом и шифровальных машин, подготовка шифровальщиков) взяло на себя ведомство госбезопасности. Причем у дипломатов и разведчиков были разные шифры.

В двадцатые годы англичане читали советскую шифрованную переписку. В этом искусстве англичане, которые еще в 1919 году создали Школу шифровальщиков правительственной связи, опередили всех. Потом советские разведчики, получив японские шифровальные книги, читали секретную переписку японских послов и военных атташе с Токио.

Служба в разведке постепенно стала завидной, чекисты из внутренних подразделений мечтали перевестись в иностранный отдел. Тот же Георгий Агабеков вспоминал:

«Посторонний зритель, если он попадет в иностранный отдел, заметит две категории различно одетых людей. Одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках. Другие – в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах и франтоватых галстуках. Первые – это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые – это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов.

Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, „рискуя жизнью“, поехать в капиталистические страны».

С другой стороны, в те годы сотрудников иностранного отдела легко переводили в другие подразделения ОГПУ, и они нисколько об этом не жалели. Скажем, в середине двадцатых годов резидентом в Берлине, а затем в Вене был Иван Васильевич Запорожец, чье имя связано с убийством Кирова.

Запорожец родился в 1885 году в Мелитопольской области. Агроном по образованию, Запорожец воевал в Первую мировую и попал в австрийский плен. Вернувшись после плена, он вступил в партию боротьбистов (левые эсеры Украины). Потом партия самоликвидировалась, а большинство боротьбистов перешло к большевикам.

В 1921 году Запорожца взяли в ВЧК.

За границей его главная задача состояла в том, чтобы вербовать агентуру среди белой эмиграции и присматривать за персоналом полпредства. По свидетельству очевидца, «Запорожец, гигантского роста добряк со средним интеллектом, добросовестно выполнял свою работу, а в свободное время полностью занимался женой и детьми, не обращая внимания на интриги и заговоры, которые сотрясали всех вокруг него».

После возвращения в Москву Запорожец возглавлял четвертое отделение (внешняя торговля) экономического управления ОГПУ, затем отдел информации и политконтроля. В марте 1931 года его отдел влили в секретно-политический отдел. Начальником отдела был Яков Саулович Агранов, доверенное лицо Сталина. Запорожец стал заместителем начальника отдела и с этой высокой должности уехал в Ленинград. Его утвердили заместителем начальника областного управления.

Ивана Запорожца подозревают в организации убийства Сергея Кирова. Считается, что он задержал будущего убийцу Кирова Леонида Николаева с оружием в руках и сознательно отпустил его. Правда, во время убийства Кирова Запорожца в Ленинграде не было. В конце августа Запорожца положили в военный госпиталь, в гипсе он пролежал до ноября, после чего отправился долечиваться в санаторий в Сочи. Потом он был уничтожен. История с убийством Кирова и по сей день остается неразгаданной...

6 апреля 1927 года китайская полиция устроила налет на советское полпредство в Пекине и арестовала несколько сотрудников резидентуры, которые работали в составе полпредства и торгового представительства. А британская полиция 12 мая 1927 года провела обыск в помещении «Аркос» (All Russian Cooperative Society Ltd.) – совместного советско-британского акционерного общества, которое занималось внешней торговлей от имени различных советских организаций. «Аркос» находилось в одном здании с советским торгпредством, и полиция попала в руки и переписка торгпредства, и все шифры. 25 мая британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советской Россией.

Политбюро приняло ряд решений, стараясь ограничить ущерб, нанесенный разведке, и извлечь уроки:

«Послать по линии ОГПУ шифротелеграмму о принятии срочных мер по соблюдению конспирации в работе и уничтожению компрометирующих документов...

Обязать полпредов немедленно уничтожить все секретные материалы, не являющиеся абсолютно необходимыми для текущей работы, как самого полпредства, так и представителей всех без исключений советских и партийных органов, включая сюда ОГПУ, Разведупр и Коминтерн...

Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

Шифры менять каждый день, проверить состав шифровальщиков. Послать специальное лицо с неограниченными правами по осуществлению строжайшей конспирации шифровальной работы, имея в виду в первую очередь объезд таких стран, как Франция, Италия, Варшава, Токио, Берлин (кандидатуру наметить особо).

Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна...»

Советская разведка сильно преуспела в распространении дезинформации, на которую покупались западные разведки. Иногда, впрочем, и иностранный отдел ОГПУ попадал на удочку таких же мастеров фальсификации.

В 1927 году сотрудники харбинской резидентуры получили от русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста секретный японский документ. Иванова-Перекреста в резидентуре очень ценили. Заместитель резидента Василий Михайлович Зарубин, будущий генерал госбезопасности, с гордостью говорил, что у агента широкие связи среди японцев. Вот он и притащил меморандум японского генерала Гиити Танака, содержащий план завоевания мира. Взял этот документ сотрудник харбинской резидентуры Василий Иванович Пудин, человек физически очень крепкий и храбрый, но его образование ограничивалось тремя классами. Он переслал меморандум в центр.

Получение «меморандума Танаки», кажется, и по сей день считается большим успехом советской разведки. Но этот документ, активно использовавшийся в пропаганде, был фальшивкой. В двадцатые годы русские эмигранты в Европе и на Дальнем Востоке специализировались на изготовлении фальшивок, которые у них покупали различные спецслужбы... Характерно, что сами же руководители советской разведки решили предать «меморандум Танаки» гласности через иностранную печать. Секретные документы, имеющие ценность, в газеты не отдают.

Почему Сталин в конце концов убрал успешно действовавшего Меира Трилиссера из госбезопасности? Судя по всему, сыграли свою роль и политические, и личные мотивы.

11 июля 1928 года состоялась тайная беседа между людьми, которые когда-то вместе заседали в политбюро, а потом стали политическими противниками. К Льву Борисовичу Каменеву, который был заместителем Ленина в правительстве, а потом был изгнан со всех постов как участник антисталинской оппозиции, неожиданно пришел действующий член политбюро Николай Иванович Бухарин.

Еще недавно Бухарин выступал против Каменева на стороне Сталина. Но очень быстро Николай Иванович убедился в том, что генсек совсем не таков, каким он представлялся. Они все больше расходились. Импульсивный Бухарин, не зная, что предпринять, вдруг обратился к своим оппонентам. Напуганный Сталиным, он говорил очень откровенно. Лев Борисович Каменев потом почти дословно записал беседу.

Бухарин взволнованно говорил:

– Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать.

– Каковы же ваши силы? – поинтересовался Каменев.

– Я плюс Рыков плюс Томский плюс Угланов, – начал перечислять Бухарин. – Андреев за нас... Ягода и Трилиссер – наши...

Алексей Иванович Рыков был главой правительства, Михаил Павлович Томский – руководителем профсоюзов, Николай Александрович Угланов – секретарем ЦК и руководителем московской партийной организации.

Запись беседы попала в руки агентов секретно-политического отдела ОГПУ, которые следили за всеми крупными оппозиционерами. Доложили Сталину. Сокращенная запись беседы гуляла по стране в виде нелегально распространявшейся листовки.

6 февраля 1929 года Менжинский и его заместители Ягода и Трилиссер направили Сталину и председателю Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Серго Орджоникидзе заявление о непричастности руководства ОГПУ к оппозиции:

«В контрреволюционной троцкистской листовке, содержащей запись июльских разговоров т. Бухарина с тт. Каменевым и Сокольниковым о смене политбюро, о ревизии партийной линии и прочем, имеются два места, посвященные ОГПУ:

1. На вопрос т. Каменева: каковы же ваши силы, Бухарин, перечисляя их, якобы сказал: „Ягода и Трилиссер с нами“ и далее:

2. „Не говори со мной по телефону – подслушивают. За мной ходит ГПУ, и у тебя стоит ГПУ“.

Оба эти утверждения, которые взаимно исключают друг друга, вздорная клевета или на т. Бухарина, или на нас, и независимо от того, говорил или нет что-нибудь подобное т. Бухарин, считаем необходимым эту клевету категорически опровергнуть перед лицом партии».

Неосторожное высказывание Бухарина не помешало Сталину (правда, после долгих размышлений) назначить Генриха Григорьевича Ягоду наркомом внутренних дел. Но генсек бухаринские слова запомнил. В 1938 году он посадил Бухарина и Ягоду на одну скамью подсудимых.

Сталин учел, что правые числят заместителя председателя ОГПУ Меира Трилиссера среди своих сторонников, и при очередной перестановке убрал его из аппарата госбезопасности. Впрочем, похоже, и Генрих Ягода тоже жаждал устранения Трилиссера, удачливого руководителя разведки, как вероятного соперника в борьбе за должность председателя ОГПУ. Они оба были замами, оба понимали, что Менжинский серьезно болен и что в ЦК подыскивают ему замену.

Конфликт двух замов окончился победой Ягоды. Трилиссер публично обвинил Генриха Григорьевича в поддержке «правых уклонистов», в дружеских отношениях с лидерами правых. Сталину это не понравилось. Трилиссер сыграл ва-банк и проиграл. 27 октября 1929 года Трилиссер был освобожден от работы в ОГПУ.

В феврале 1930 года Трилиссер получил должность заместителя наркома рабоче-крестьянского контроля. Его ввели в состав президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1934 году назначили уполномоченным Комиссии советского контроля по Дальневосточному краю. 10 августа 1935 года решением политбюро Трилиссера перевели на работу в Коминтерн. После седьмого конгресса его избрали членом президиума и утвердили секретарем исполкома Коминтерна – под псевдонимом Москвин.

Сталина, отдыхавшего на юге, не поставили в известность, что Трилиссеру изменили фамилию. И он прислал Кагановичу возмущенное письмо:

«Почему кандидатуру Трилиссера в ИККИ заменили кандидатурой Москвина? В чем дело?»

Сталин подумал, что члены политбюро решили выдвинуть Ивана Михайловича Москвина. Это был известный партийный работник. В двадцатые годы он работал в Ленинграде и презирал ленинградского вождя Зиновьева. Иван Москвин был одним из немногих ленинградцев, резко выступивших против Зиновьева. Сталин приметил Москвина, перевел его в Москву, сделал членом оргбюро ЦК, кандидатом в члены секретариата ЦК и поставил руководить всеми руководящими партийными кадрами. Своим заместителем в организационно-распределительном отделе ЦК Москвин поставил исполнительного Николая Ивановича Ежова. Но Сталин вскоре в Москве разочаровался: Иван Михайлович был ригористом и партийным романтиком, верил в то, что говорил. Поэтому из партаппарата его убрали.

Лазарь Каганович, оставшийся на время отпуска Сталина на партийном хозяйстве, поспешил успокоить вождя: «Трилиссера переименовали в Москвина ввиду того, что его фамилия известна как бывшего работника НКВД».

Коминтерновские дела были Трилиссеру не в новинку. Еще в декабре 1922 года решением оргбюро ЦК он был включен в «постоянную нелегальную комиссию исполкома Коминтерна». Задача состояла в том, чтобы помочь компартиям научиться действовать в нелегальных условиях: разрабатывались средства связи в условиях строжайшей конспирации, шифры, методы создания тайных типографий.

Как руководитель иностранного отдела Трилиссер тесно сотрудничал с отделом международных связей исполкома Коминтерна, который ведал переброской партийных агентов за границу и их нелегальной работой. Трилиссер информировал аппарат Коминтерна о ситуации в той или иной стране, предупреждал об ожидаемых арестах, о путях перехода границы.

13 мая 1922 года Трилиссер писал руководителю отдела международной связи Иосифу Ароновичу Пятницкому:

«Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам. Я бы просил каждый раз по получении от нас таких материалов, давать свои заключения по ним и сообщать имеющиеся у вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах».

В свою очередь, Пятницкий обращался к Трилиссеру со своими заботами:

«В целях сокрытия нашего учреждения при получении валюты из Госбанка нам необходимо, чтобы получатель валюты был бы снабжен фиктивным удостоверением. Поэтому просим Вас выдать ему удостоверение либо в том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо от какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются».

В исполкоме Коминтерна секретариат Трилиссера ведал связями с компартиями Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии. Кроме того, он занимался финансами Коминтерна и курировал отдел международных связей (с 1936 года – служба связи секретариата). Аппарат Трилиссера состоял из одиннадцати человек, в том числе из представителей подведомственных партий. Служба связи занималась среди прочего отправкой добровольцев в Испанию. Шифровальную часть в 1937 году у Трилиссера забрали и подчинили напрямую председателю исполкома Коминтерна Георгию Димитрову.

Когда начались массовые репрессии, Трилиссера-Москвина привлекли к чистке аппарата Коминтерна. Секретариат исполкома в январе 1936 года образовал «комиссию по проверке квалификации работников аппарата». Возглавил комиссию старый чекист Трилиссер. Проверяли не профессионализм, а политическую благонадежность. Частый вердикт: «снять с работы в аппарате ИККИ». В 1937 году появилась уже «особая комиссия по проверке работников

аппарата ИККИ» – тройка в составе Димитрова, Трилиссера и Дмитрия Захаровича Мануильского, еще одного члена президиума и секретаря исполкома Коминтерна.

Димитрова и Мануильского Сталин помиловал, а Трилиссера в ноябре 1938 года арестовали. Формально его даже не исключили из состава исполкома и секретариата Коминтерна. 2 февраля 1940 его расстреляли.

Станислав Мессинг. Охота на вредителей

Вместо Трилиссера руководителем разведки сделали Станислава Мессинга, который до этого был полномочным представителем ОГПУ в Ленинграде.

Станислав Адамович Мессинг, родившийся в 1890 году в Варшаве, юношей вступил в небольшую социал-демократическую партию Польши и Литвы, в рядах которой состоял и Феликс Дзержинский. Всю Первую мировую Мессинг провел в действующей армии на Кавказском фронте.

После революции Мессинг возглавил чрезвычайную комиссию в Сокольниках, через год получил повышение – стал членом коллегии московской ЧК и заведующим секретно-оперативным отделом. Летом 1920 года его ввели в состав коллегии ВЧК, в январе двадцать первого поставили во главе МЧК. Он считался одним из самых авторитетных чекистов.

Осенью 1921 года его перевели на укрепление питерского чекистского аппарата. Он не только возглавил ленинградское управление госбезопасности, но и войска ГПУ. Ему трудно далось общение с хозяином Ленинграда – членом политбюро Григорием Евсеевичем Зиновьевым, человеком слабохарактерным и одновременно жестоким.

Видимо, Мессинг уступал ему в жестокости.

Весной 1923 года он отправил заместителю председателя ГПУ Иосифу Станиславовичу Уншлихту рапорт с просьбой перевести его из Ленинграда: «На экстренном заседании бюро Петроградского комитета при обсуждении вопроса об усилении мер борьбы против меньшевиков было указано на слабость работы ГПУ и лично Мессинга.

Это подтвердил и в личной беседе Зиновьев.

Я не стараюсь бить меньшевиков широкими репрессиями, принимая во внимание, что мы живем в двадцать третьем году, а не в восемнадцатом... При сложившихся обстоятельствах считаю совершенно необходимым мою переброску».

Тем не менее Мессинг пережил в Ленинграде Зиновьева. Но позиции руководителя питерской госбезопасности укрепили – его ввели в коллегию ОГПУ и в состав Северо-Западного бюро ЦК партии. В Москву Станислава Адамовича вернули только осенью 1929 года, 27 октября его поставили во главе разведки и вскоре утвердили заместителем председателя ОГПУ.

После вступления Мессинга в должность, 5 февраля 1930 года, политбюро приняло первое развернутое постановление о работе иностранного отдела ОГПУ:

«Исходя из необходимости концентрации всех наших разведывательных сил и средств на определенных главных территориальных участках, основными районами разведывательной деятельности ИНО ОГПУ определить:

1. Англию
2. Францию
3. Германию (Центр)
4. Польшу
5. Румынию
6. Японию
7. Лимитрофы».

Лимитрофами называли Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию. Характерно, что в списке отсутствуют Соединенные Штаты, чья роль в мировой политике была невелика, и Китай. Возможно, Китаем больше занималась военная разведка.

«Задачи, стоящие перед ИНО ОГПУ:

1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.
2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.
3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов,готавливаемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.
4. Освещение и выявление планов финансово-экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.
5. Добыча документов секретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.
6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.
7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.
8. Добыча для нашей промышленности изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добытыми обычным путем.
9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей».

Разведка должна была заниматься слежкой за советскими колониями за границей, промышленным шпионажем, убивать убежавших за границу оппозиционеров. Но среди перечня задач иностранного отдела отсутствовала главная, то, ради чего содержат разведку: получение объективной информации о положении в мире.

Сталин и члены политбюро пребывали в уверенности, что картина мира им известна и ясна. От разведки требуется лишь представить доказательства их правоты. Поэтому задача номер один – следить за эмиграцией, которая в 1930 году уже не представляла реальной опасности, и выяснять, когда Польша и Румыния нападут на Советский Союз. Польша считалась главным и самым опасным врагом.

Впрочем, приказ председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова полвека спустя считать первоочередной задачей советской разведки следить за подготовкой главного противника (США) к ядерному нападению был порожден той же неспособностью видеть и понимать реальный мир. Андропов в 1981 году распорядился разработать крайне дорогостоящую систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении, которая включала контроль не только за активностью натовских штабов, но и закупками медикаментов и запасов крови для больниц и госпиталей. Этим занимались все резидентуры внешней разведки плюс разведывательные службы социалистических стран. Разведчики вспоминали, что истерия в 1982 году достигла такого накала, что в вашингтонской резидентуре свели переписку с центром до минимума, чтобы в любой момент можно было покинуть здание – то есть ждали войны с Соединенными Штатами...

Наконец, в феврале 1930 года политбюро обещало «дать ОГПУ для иноработы пять ответственных партийцев, которые могли бы быть брошены в качестве организаторов и политических руководителей в основные пункты закордонной работы ИНО». Еще пятьдесят «особо проверенных и стойких партийцев» обещали перевести в ИНО в течение года, но их все-таки предлагалось первоначально подготовить к разведывательной работе.

Во главе иностранного отдела Станислав Мессинг проработал недолго.

Особисты (военная контрразведка) разработали так называемое дело «Весна», в рамках которого в 1930–1932 годах было арестовано больше трех тысяч бывших офицеров царской армии, честно служивших в Красной армии. Им предъявили обвинение в участии в различных монархических или офицерских организациях, в реальности никогда не существовавших.

В Красной армии служило больше выпускников Николаевской академии генерального штаба, чем у белых. Они заняли ключевые посты во всей структуре военного управления, и этим в немалой степени объясняется победа Красной армии в годы Гражданской войны. Все эти люди отказались когда-то служить в Белой армии и присягнули на верность советской власти, но эта власть, многим им обязанная, все равно бывшим офицерам не доверяла.

Станислав Мессинг был среди тех, кто утверждал, что «Весна» – дутое дело и массовые аресты военных – вредная акция. По личному указанию Сталина летом 1931 года он был отстранен от работы в ОГПУ. В решении политбюро от 25 июля говорилось: «откомандировать т. Мессинга в распоряжение ЦК ВКП(б)».

Постановлением политбюро 15 августа Станислава Адамовича утвердили членом коллегии Наркомата внешней торговли. Он вел торговые переговоры с Монголией и Тувой, возглавил внешнеторговое объединение «Совмонголтувторг».

В начале 1937 года его назначили председателем Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты. А в июне Мессинга, как других чекистов-поляков, арестовали по обвинению в принадлежности к мифической организации польских шпионов и террористов. В сентябре 1937 года его расстреляли.

Артур Артузов. «Трест», «Синдикат» и заговор против Тухачевского

1 августа 1931 года иностранный отдел возглавил один из самых известных чекистов – Артур Христианович Артузов.

Его настоящая фамилия – Фраучи. Он родился в феврале 1891 года в деревне Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье кустика-сыровара, эмигранта из Швейцарии. Заполняя советские анкеты, называл себя то швейцарцем, то итальянцем.

В 1909 году Артур Фраучи с отличием окончил гимназию, учился в Петроградском политехническом институте, с февраля 1917 года работал инженером-проектировщиком Металлического бюро Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, крупнейшего инженера-металлурга и брата знаменитого географа, в Нижнем Тагиле.

Артур Фраучи прекрасно пел, у него был сильный тенор, он участвовал в любительских спектаклях. Но его тянуло не к искусству, а к политике. Его судьбу определило родство с двумя влиятельными большевиками – Николаем Ивановичем Подвойским, одним из комиссаров по военным делам в первом советском правительстве, и с Михаилом Сергеевичем Кедровым, начальником особого отдела ВЧК. Кедров и Подвойский были его дядями, они оба женились на сестрах его матери.

Михаила Кедрова после революции утвердили комиссаром по демобилизации старой армии, он взял к себе молодого Артузова, который в декабре 1917 года стал секретарем отдела материально-технического снабжения управления по демобилизации армии и флота.

Весной 1918 года Кедров получил указание выехать на Север и тоже взял с собой подающего надежды племянника на роль секретаря ревизионной комиссии Наркомата по военным делам в Вологде и Архангельске. Потом Артузов недолго был инспектором снабжения Северо-Восточного участка Восточного фронта. И, наконец, в сентябре 1918 года он нашел главное дело своей жизни – стал начальником военно-осведомительного бюро Московского военного округа. В ноябре 1918 года Артузова утвердили начальником активной части отдела военного контроля Реввоенсовета Республики.

В январе 1919 года Артузова взяли в ВЧК. В мае назначили особо уполномоченным особого отдела, которым руководил его дядя Михаил Сергеевич Кедров. Но дядя в ВЧК не задержался, а Артузов оказался в своей стихии. За два года он вырос до заместителя начальника особого отдела.

В июле 1922 года Артузова утвердили начальником важнейшего контрразведывательного отдела ОГПУ. Это время его профессионального расцвета. Именно тогда проводилась знаменитая операция «Трест» и другие оперативные игры, например, «Синдикат-2». Бежавшие из России военные и политики хотели верить – не могли не верить! – в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. Главная задача таких оперативных игр состояла в том, чтобы заманить в Советскую Россию руководителей белой эмиграции и их уничтожить.

Заманили Бориса Викторовича Савинкова, одного из руководителей боевой организации эсеров, непримиримого противника советской власти, одного из самых знаменитых террористов двадцатого столетия. Дворянин, член боевой организации партии эсеров, он участвовал во множестве терактов, организовал убийство министра внутренних дел и шефа жандармов Вячеслава Константиновича Плеве и великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора и командующего войсками округа. Савинкова приговорили к смертной казни. Он бежал из страны. За ним следило около сотни агентов заграничной агентуры департамента полиции. Но помешать его террористической деятельности полиция не смогла.

Илья Эренбург писал о Савинкове, с которым был знаком: «Я не встречал такого непонятного и страшного человека».

Летом 1915 года Эренбург написал стихотворный портрет Савинкова (оставшийся тогда не опубликованным):

Лицо подающего надежды дипломата
Только падают усталые веки.
Очень уж гадко
На свете!
О силе говорит каждый палец,
О прежней.
И лишь порой стыдливая сентиментальность
Как будто брезжит.
Ах, он написал очень хорошие книги.
У него большая душа и по-французски редкий выговор.
Только хорошо с ним запить,
О России пьяным голосом бубнить:
«Ты, Россия, ты огромная страна,
Не какая-нибудь маленькая улица.
Родила ты, да и то спьяна
Этакое чудище!»

«Изящный человек среднего роста, одетый в хорошо сшитый серо-зеленый френч, – так выглядел Савинков в семнадцатом году. – В суховатом, неподвижном лице сумрачно, не светясь, горели небольшие, печальные и жестокие глаза. Левую щеку от носа к углу жадного и горького рта прорезала глубокая складка. Голос у Савинкова был невелик и чуть хрипл. Говорил он короткими, энергичными фразами, словно вколачивая гвозди в стену».

Глава Временного правительства Александр Федорович Керенский сделал товарища по партии Бориса Савинкова своим заместителем в военном министерстве. В нем была симпатичная военным подтянутость, четкость жестов и распоряжений, немногословность, пристрастие к шелковому белью и английскому мылу. Главным же образом производил впечатление прирожденный и развитый в подполье дар распорядиться людьми. Керенский нашел себе странного союзника, которого, видимо, не вполне понимал. Кто-то точно сказал, что Савинков при его страсти к интригам и заговорам был бы уместен в средние века в Италии, но ему совершенно нечего делать в Петрограде.

«Душа Бориса Викторовича, одного из самых загадочных людей среди всех, с которыми мне пришлось встретиться, была внутренне мертва, – писал человек, который занимал в военном министерстве должность начальника политуправления. – Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти...»

Эсер Борис Савинков ненавидел большевиков, которые привлекли на свою сторону солдат твердым обещанием немедленного мира. Савинков презрительно называл Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Советом рачьих, собачьих и курячьих депутатов». «Ему, вероятно, казалось, – в этом была его главная психологическая ошибка, – что достаточно как следует прикрикнуть на всю эту „сволочь“ и взять ее по-настоящему в оборот, чтобы она перед ним с Корниловым побежала...»

Борис Викторович предполагал вызвать с фронта надежные конные части, объявить Петроград на военном положении, ликвидировать большевиков и провозгласить диктатуру директории. Такие разговоры Савинков как заместитель военного министра и вел с генералом Корниловым.

Одиноким эгоцентриком Савинков, привыкший в качестве главы террористической организации брать всю ответственность на себя, прирожденный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми, не столько стремился к сближению Корнилова, которого любил, с Керенским, которого он презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре... Ему рисовалась военная директория – Керенский, Корнилов, Савинков.

Но затея с Корниловым провалилась.

Керенскому пришлось отправить в отставку Савинкова, которую тот отпраздновал в подвале кавказского ресторанчика вином и шашлыками вместе с офицерами «дикой дивизии». После Октября он стал непримиримым врагом советской власти. Говорят, в 1918 году Борис Викторович «вел себя в Москве с вызывающей храбростью: ходил по улицам в черном френче и желтых сапогах, утверждая, что любой чекист при встрече с ним первый постарается скрыться».

«Громадным подспорьем Савинкову была его биологическая храбрость, – писал человек, который был рядом с ним в семнадцатом году. – Савинков не склонял головы ни перед немцами, ни перед большевистскими пулями...»

Смертельная опасность не только повышала в нем чувство жизни, но наполняла его душу особой, жуткой радостью: „Смотришь в бездну, и кружится голова, и хочется броситься в бездну, хотя броситься – погибнуть“. Не раз бросался Савинков вниз головой в постоянно манившую его бездну смерти, пока не размозжил своего черепа о каменные плиты, выбросившись из окна московской тюрьмы ГПУ».

После Гражданской войны Борис Савинков бежал из страны. Но чекисты умело заманили него в Россию. Его арестовали помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Сергей Васильевич Пузицкий и Филипп Демьянович Медведь, в ту пору полномочный представитель ОГПУ по Западному краю. Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции служил в ревтрибунале. С 1921 года он служил в госбезопасности. За операцию с Савиновым он получил орден Красного знамени.

Савинков сделал все, что от него требовали чекисты: публично покаяться и призвал недавних соратников прекратить борьбу против советской власти. Политбюро 18 сентября 1924 года приняло директиву для советской печати: «Савинкова лично не унижать, не отнимать у него надежды, что он может еще выйти в люди».

Но Борис Викторович надеялся на освобождение. Убедившись, что его выпустить не собираются, 7 мая 1925 года выпрыгнул из открытого окна кабинета заместителя начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Романа Пилляра (родственник Дзержинского, настоящее имя – Ромуальд фон Пильхау), хотя в комнате вместе с ним находились двое чекистов. Окна выходили во внутренний двор, так что лишних свидетелей смерти Савинкова не было.

Чекисты создали мифическую подпольную организацию – Монархическое объединение Центральной России. От имени этой организации агенты госбезопасности отправились в Европу с предложением сотрудничества.

Некоторые лидеры эмиграции вступили в контакт с мнимыми подпольщиками. На удочку советской разведки попался глава военной эмиграции – председатель Российского общевойскового союза (РОВС) генерал Александр Павлович Кутепов, обосновавшийся в Париже. Генерал поверил в реальность «Треста», хотя более изощренный человек догадался бы, что с ним ведут игру.

Во всяком случае, бывший главнокомандующий Белой армией генерал Антон Иванович Деникин утверждал, что с самого начала заподозрил нечто неладное. Кутепов делился с Деникиным своими планами подпольной работы. Деникину все это очень не нравилось. Он считал прямого и храброго генерала не очень пригодным к конспиративной деятельности и подпольной работе. И оказался прав (см. книгу Дмитрия Леховича «Белые против красных. Судьба генерала Деникина»).

«Из рассказов Александра Павловича Кутепова, – вспоминал Деникин, – я начал выносить все более и более беспокойное чувство. Однажды я сказал ему прямо:

– Нет у меня веры. На провокацию все похоже.

Но Кутепов ответил:

– Но ведь я ничем не рискую. Я „им“ не говорю ничего, слушаю только, что говорят „они“».

Сомнения Деникина усилились после того, как мнимый «Трест» (а в реальности чекисты) помог одному из видных деятелей эмиграции Василию Васильевичу Шульгину нелегально проехать по Советской России и преспокойно покинуть ее, чтобы написать вполне просоветскую книгу «Три столицы» – о Москве, Ленинграде и Киеве. Шульгин вернулся из России, убежденный в реальности монархистов-подпольщиков.

Однажды Деникина попросили укрыть в своей квартире секретные дела кутеповской организации и притащили пять или шесть чемоданов. Антон Иванович с женой успели разобрать бумаги, среди которых обнаружилась и переписка с «Трестом».

«Просмотрев это, – записал Деникин, – я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма „оттуда“ были полны несдержанной лести по отношению к Кутепову:

„Вы, и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится...“

Описывали, как росло невероятно число их соучастников, ширилась деятельность „Треста“; в каком-то неназванном пункте состоялся будто бы тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и, паче всего, осведомления. К сожалению, веря в истинный антибольшевизм „Треста“, Кутепов посылал периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно...»

Несмотря на скептицизм Деникина, генерал Кутепов безгранично верил в «Трест».

Тесть Деникина, Василий Иванович Чиж, остался в Советской России. Он жил в Крыму и работал на железной дороге. Никто не знал о его родстве. Деникин решил перевезти его во Францию и попросил Кутепова узнать, как это можно сделать.

«Можно себе представить нашу скорбь, – вспоминал Деникин, – когда я прочел в кутеповском письме, адресованном „Тресту“, что „Деникин просит навести справки, сколько будет стоить вывезти его тестя из Ялты!..“

Когда Кутепов пришел ко мне, и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

– Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с „Трестом“ я сказал ему уже не предположительно, а категорически: все сплошная провокация!

Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть „линии“ и „окна“, не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже все порвал».

В 1927 году в ОГПУ пришли к выводу, что операцию «Трест» надо заканчивать, потому что она может провалиться. Так и произошло. В апреле 1927 года бежал в Финляндию один из главных агентов ОГПУ в этом деле Фриц Эдуард Опперпут.

Опперпут, бывший штабс-капитан царской армии, в Гражданскую войну пошел в Красную армию и дослужился до должности помощника начальника штаба внутренних войск Западного фронта. Он перешел на сторону Савинкова, вступил в Народный союз защиты родины и свободы и был арестован еще в 1921 году. Спасая себе жизнь, он изъявил желание сотрудничать и был привлечен к работе в роли секретного сотрудника ГПУ. Его освободили и

снабдили документами на имя Эдуарда Оттовича Стауница. Когда Опперпуту-Стауницу представилась возможность бежать за границу, он все рассказал.

30 ноября 1924 года Артузов представил начальству «Справку о работе контрразведывательного отдела за 1923–1924 операционный год».

Он рисовал картину тотального шпионажа против СССР. Каждый иностранец априори считался разведчиком.

«Иностранные государства, – докладывал Артузов, – ведут энергичную разведку либо через свои официальные учреждения, находящиеся на территории нашего Союза и пользующиеся правами экстерриториальности, таких учреждений в одной Москве насчитывается двадцать пять, кроме того имеется кадр иностранных корреспондентов, в число которых входят двадцать семь американских корреспондентов, занятых исключительно разведывательной работой, либо путем организации резидентур разведывательных отделов своих генштабов вне миссий.

Немцы практикуют для данной цели организацию специальных коммерческих предприятий, например: виноторговля „Конкордия“, оптические магазины, через духовенство и через широкую сеть, организованную в крупнейших немецких колониях;

– поляки – через католическое духовенство, организацию книжных магазинов, через торговые фирмы;

– финны – почти исключительно путем посылки в СССР отдельных частных лиц, вербуемых из числа эмигрантов-белогвардейцев;

– китайцы – путем организации различных объединений, как, например, „Союз китайских рабочих“, китайские курильни опиума;

– эстонцы и латыши – путем организации в разных местах меняльных лавок, книжных магазинов, антикварных лавок.

Существеннейшую пользу в деле организации разведывательной сети штабам иностранных государств служат всевозможные смешанные торговые общества и концессионные предприятия („Юнкерс“, „Дерлюфт“, „Телеграфен-Унион“, „Нунция“)...

Сотрудничество с иностранными фирмами было выгодным для Красной армии. Но Артузов и его контрразведчики крайне настороженно относились к экономическому сотрудничеству с иностранцами, считали инвесторов и работавших в России заграничных специалистов шпионами. Возможно, потому, что советские разведчики в Германии работали под прикрытием совместных советско-германских торговых компаний. Главная их задача состояла в краже промышленных секретов. Разведчики крали патенты, изобретения и под чужим именем привозили в Советскую Россию немецких инженеров, которые соглашались за вознаграждение раскрыть секреты своей фирмы.

Всего за десять месяцев 1924 года, докладывал Артузов, органами ОГПУ арестованы 926 иностранцев. Из них 110 освободили, 463 выслали, остальных отправили за решетку. За связь с иностранцами арестовали 449 человек.

Цифры – очевидно дутые. Шпионаж такого масштаба не могли себе позволить все европейские разведки вместе взятые. Но контрразведчики Артузова демонстрировали масштабную борьбу с иностранцами, пренебрегая возражениями хозяйственников, которые дорожили работавшими в России специалистами и иностранными концессиями.

Профессиональным экономистам с самого начала стало ясно, что чекисты мешают развитию экономики страны.

Леонид Борисович Красин, уважаемый в партии человек, талантливый инженер, пытался после революции наладить внешнеторговые отношения Советской России с внешним миром. Он писал Ленину 8 ноября 1921 года, что нормальное экономическое сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, недвусмысленно объяснил Красин, это произвол чекистов:

«Пока некомпетентные и даже попросту невежественные в вопросах производства, техники и т. д. органы и следователи будут гноить по тюрьмам техников и инженеров по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях – „техническом саботаже“ или „экономическом шпионаже“, ни на какую серьезную работу иностранный капитал в Россию не пойдет...»

Ни одной серьезной концессии и торгового предприятия мы в России не установим, если не дадим каких-то определенных гарантий от произвола ВЧК».

Красин был прав в своем пессимизме. Артузов доложил Дзержинскому, что работающие в России немцы – чуть ли не поголовно шпионы, и предложил все эти концессии ликвидировать. Точка зрения чекистов возобладала.

Несмотря на невероятные усилия иностранных шпионов, уверенно докладывал Артур Артузов, успехи иностранных разведок ничтожны:

«Контрразведывательному отделу ОГПУ удалось поставить борьбу со шпионажем на такую ступень, при которой главные европейские штабы (относительно английского ввиду непроверенности утверждать не можем) были снабжены на 95 процентов материалом, составленным по указанию Наркомвоен и НКВД и имеют, таким образом, такое представление о нашей военной мощи, как этого желаем мы.

Остальные пять процентов просачиваются через заградительную сеть нашей контрразведки – по преимуществу из заграничной полосы и имеют, таким образом, местное значение, не могущее влиять на общую картину...»

Кроме того, целый ряд иностранных разведок, как польской, эстонской и отчасти (работа только начинается) французской, находится всецело в наших руках и действует по нашим указаниям...»

«Нам удалось получить целый ряд шифров и кодов, на основании которых большинство телеграфных сношений иностранных государств нам известно. Техническому отделу КРО удалось ряд миссий оборудовать специальными техническими приспособлениями. КРО ОГПУ перлюстрирует периодически ряд иностранных дипломатических почт, а также всю корреспонденцию отдельных иностранцев. Кроме того, проводится оперативная работа в заграничных вагонах».

В международных вагонах чекисты охотились за иностранными дипломатическими курьерами. Одних пытались соблазнить красивые женщины, работавшие на контрразведку, другим подсыпали снотворное в надежде выманить у сонного дипкурьера его драгоценную сумку хотя бы на пару часов. В оперативную группу включали фотографа, который быстро переснимал документы, если удавалось добраться до дипломатической переписки.

Чекисты часто действовали неумело, и, когда посольства это обнаруживали, возникал скандал. Объясняться приходилось Наркомату иностранных дел.

В 1927 году Артузова назначили помощником начальника секретно-оперативного управления ОГПУ, которое объединяло все оперативные отделы, кроме иностранного, и освободили от должности начальника контрразведки. Артузов, оставшись без реального дела, переживал. Начальником управления был Генрих Ягода. Они друг друга не любили.

В январе 1930 года Артузова перевели в иностранный отдел ОГПУ (сначала заместителем начальника). С 1 августа 1931 года Артур Христианович Артузов – начальник иностранного отдела и член коллегии ОГПУ. Это пик его карьеры.

Иностранный отдел состоял из шести отделений:

1-е занималось нелегальной разведкой

2-е контролировало въезд в страну и выезд из СССР.

3-е отвечало за разведку в капиталистических странах.

4-е отвечало за разведку в соседних странах – Литве, Латвии, Эстонии, Польше и Финляндии.

5-е занималось борьбой с белой эмиграцией.

6-е отвечало за разведработу на Востоке.

7-е было своего рода внешней контрразведкой – занималось «обеспечением безопасности советских колоний».

8-е занималось научно-технической разведкой.

Внешняя разведка стала необходимой для политического руководства и отвоевала себе особое положение в извечном конфликте с дипломатией.

Члены политбюро довольно быстро осознали, что нужно разделить разведку и дипломатию и не компрометировать полпредов конспиративной деятельностью: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным лицам советских представительств за границей, так и курьерам, и всяким другим служащим».

Взаимоотношения между дипломатами и разведчиками складывались трудно. Хотя поначалу дипломаты еще могли отстаивать свои права с помощью партийного аппарата.

17 июля 1924 года политбюро приняло постановление:

«В дальнейшем назначение основных резидентов ГПУ в состав дипломатического корпуса производить по соглашению с секретарем ЦК».

Феликс Дзержинский – в отличие от своих наследников – старался ладить с дипломатами. 23 мая 1925 года он даже обратился в политбюро с неожиданным предложением включить в состав коллегии наркоминдела его заместителя Менжинского:

«В связи с информацией, организованной ОГПУ по иностранным делам, а также с нашей борьбой со шпионажем и организуемой капиталистическими странами контрреволюцией был бы очень желателен в интересах дела и обороны страны более тесный контакт нашей работы с НКВД».

Но чем дальше, тем реже дипломаты побеждали в ведомственных конфликтах с разведкой и контрразведкой.

Нарком Чичерин писал в своем политическом завещании:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты...»

ГПУ обращается с НКВД, как с классовым врагом... Внутренний надзор ГПУ в НКВД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом...»

Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку наркома иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями.

Такая практика существует и по сей день.

Григорию Беседовскому, который в 1929 году оставил свой пост в советском полпредстве в Париже и попросил у французов политического убежища, Чичерин говорил:

– Меня тоже подслушивают. У меня делали здесь, в кабинете, ремонт и, несомненно, этим ремонтом воспользовались, чтобы установить микрофонный аппарат. Менжинский даже не считает нужным скрывать это обстоятельство. Он как-то сказал мне: «ОГПУ обязано знать

все, что происходит в Советском Союзе. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

Политбюро не один раз создавало комиссии для урегулирования отношений между чекистами и дипломатами.

Из протокола заседания политбюро N 25 1928 года:

«Принять предложение т. Литвинова о создании постоянной комиссии для разрешения возникающих между НКВД и ОГПУ спорных вопросов...»

В те времена с чекистами еще можно было спорить. Госбезопасность не была всевластной.

«Между разведкой и Наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние... Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой... Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границей и продолжается за границей между послом и резидентом», – отмечал Георгий Агабеков, бежавший на Запад разведчик.

Судьба сотрудника, командированного за границу, решалась на совещании в ОГПУ, которое устраивалось раз в неделю. Председательствовал начальник иностранного отдела или один из его помощников. Присутствовали представитель ЦК, он же заведующий бюрограничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командировал сотрудника. Решающее слово принадлежало представителю ОГПУ.

Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ОГПУ анкета кандидата на выезд изучалась в аппарате госбезопасности. О нем наводили справки в архивах и в картотеке. Если его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агента ОГПУ – без конкретных обвинений, без доказательств сомнительности его поведения – ему отказывали в поездке и наркоминделу предлагали представить иную кандидатуру.

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Даже руководители наркомата, а затем Министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек...

Полная автономия разведчиков привела к двоевластию в полпредстве. Резидент формально должен был подчиняться полпреду. Поначалу полпреды требовали показывать им телеграммы разведки, уходившие в Москву. Позднее это стало невозможно. Полпреды смирились и знали, что с резидентом не ссорятся. У него своя связь с центром, и не известно, что он докладывает в Москву. Разведка – часть госбезопасности, а ссориться с этим ведомством опасно.

Полпред ощущал, что находится под постоянным контролем, и всегда ожидал какой-нибудь пакости со стороны резидента. И позже резиденты бдительно следили за послами и о всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

При Артузове разведка обзавелась в основных европейских странах большим и разветвленным аппаратом. Агентов, имевших доступ к настоящим секретам, было, разумеется, немного. Но скажем, во Франции – только в среде эмиграции – число рядовых агентов исчислялось десятками. Другое дело, что они, работая за деньги, часто приносили липовую информацию. Но отличить зерна от плевел можно было только по прошествии времени, когда деньги уплачены и агент исчез.

В годы Артузова началась вербовка большой группы английской молодежи, несколько человек из этой группы стали самыми эффективными агентами советской политической разведки, скажем Ким Филби, который сделал изрядную карьеру в британской разведке.

Большие удачи чередовались с громкими провалами.

В 1930 году разгорелся скандал в Германии, когда появились сообщения, что советские агенты сбывают фальшивые доллары. В 1931 году в Вене был убит Георг Земмельман, который восемь лет работал на советскую разведку. Он женился на немке, и с ним прекратили сотрудничество. Лишившись денег, он стал рассказывать журналистам, откуда советская разведка берет фальшивые паспорта. Его застрелили.

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы владивостокским ГПУ, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

Руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дмитриевич Дерibas, введенный в состав коллегии ОГПУ, самокритично признал, что организованная им операция не удалась: «шуму наделали, а мост не взорвали». Агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Сталин, возмущенный скандальным провалом чекистов, писал из Сочи секретарю ЦК Лазарю Кагановичу, оставшемуся в Москве за главного:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразия!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом...

Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам...

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных. 16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв тов. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дмитриевича Дерибаса все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас так и работал на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938 года.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора.

После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по совместительству заместителем наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели наркомом.

Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали спецзвание майора госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Николай Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года его приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли...

В мае 1934 года Артура Христиановича Артузова внезапно перевели по совместительству в 1У управление (военная разведка) Рабоче-Крестьянской Красной армии. В постановлении политбюро от 26 мая говорилось:

«Назначить начальника ИНО ОГПУ т. Артузова заместителем начальника IV Управления, обязав его две трети своего рабочего времени отдавать IV Управлению».

Артузова, как тогда говорили, бросили на укрепление военной разведки после целой серии провалов разведупра – в Латвии, Германии, Финляндии, Франции. Причем в Латвии и в Финляндии полиция арестовала целые резидентуры. Во Франции аресты продолжались год, это был полный разгром военной разведки.

Наркомат иностранных дел подготовил опровержение от имени ТАСС, которое было опубликовано в советских газетах:

«В связи с появившимся во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР. ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ничем не обоснованным клеветническим вымыслом».

Тем временем руководство страны требовало ответа, почему стал возможным такой масштабный провал военной разведки. Подробную записку представил заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода. Чекисты нашли простое объяснение:

«Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями; подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдения правил

конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого 4-го Управления Штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов».

26 мая 1934 года в повестке заседания политбюро значилось: «Вопросы 4-го Управления Штаба РККА». Итогом обсуждения стало подробное постановление о работе военной разведки:

«1. Признать, что система построения агентурной сети IV Управления, основанная на принципе объединения обслуживающей ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточение в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур – неправильна и влечет за собой в случае провала отдельного агента провал всей резидентуры. Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилась грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавала предпосылки для провала одновременно в ряде стран.

2. Имевшие место провалы показали недостаточно тщательный подбор агентработников и недостаточную их подготовку. Проверка отправляемых IV Управлением награничную работу сотрудников со стороны органов ОГПУ была недостаточна.

3. Агентурная работа IV Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникают недоразумения между этими учреждениями и отдельными их работниками...

Для устранения указанных недостатков:

1. Наркомвоенмору выделить IV Управление из системы Штаба РККА с непосредственным подчинением наркомму. В составе Штаба РККА оставить только отдел, ведающий вопросами войсковой разведки, увязав его работу с работой IV Управления.

Во избежание загрузки IV Управления несущественными или маловажными заданиями установить порядок дачи заданий только через наркома или с его ведома и одобрения...

Усилить руководство IV Управления двумя-тремя крупными военными работниками соответствующей квалификации...

3. Обязать начальника IV Управления в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы на основе создания небольших, совершенно самостоятельно работающих и не знающих друг друга групп агентов. Работу внутри групп поставить так, чтобы один источник не знал другого...

4. В кратчайший срок создать специальную школу разведчиков, которую укомплектовать тщательно отобранными, проверенными через ОГПУ и парторганизации лицами командного и командно-политического состава. При отборе особое внимание обратить не только на социальное происхождение, но и на национальность, учтя, что националистические настроения могут быть источником измены и предательства. Школу организовать на 200 человек; учение вести раздельно группами в 10–15 человек.

5. Центр тяжести в работе военной разведки перенести на Польшу, Германию, Финляндию, Румынию, Англию, Японию, Маньчжурию, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д.».

Военной разведкой с 1924 года руководил Ян Карлович Берзин (настоящее имя – Петерис Кюзис). С его именем связывают немалые успехи военных разведчиков. Берзин создал сильный коллектив в центре и мощные резиденты за рубежом. Но серия провалов привела подозрительного Сталина к мысли, что Берзина следует заменить. Сталин отправил его к Блюхеру заместителем командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, хотя у Берзина не было опыта общевойскового командира.

Начальником военной разведки утвердили Семена Петровича Урицкого, племянника первого председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого, убитого в августе 1918 года студентом-эсером.

Комкор Семен Урицкий был профессиональным военным. Он служил еще в царской армии, в 1920 году командовал отдельной кавалерийской бригадой 2-й Конной армии. Он окончил Военную академию РККА и Курсы усовершенствования высшего командного состава. Командовал дивизией и корпусом, был начальником штаба Ленинградского военного округа. В 1934 году его вызвали в Москву и назначили заместителем начальника Управления механизации и моторизации РККА. А вскоре поставили во главе военной разведки. Поскольку разведывательное дело было для него в новинку, первым замом сделали Артузова.

21 ноября 1935 года Артур Христианович получил звание корпусного комиссара (в армейской иерархии генерал-лейтенант). Поскольку военную разведку вывели из структуры Штаба Красной армии, разведчики напрямую подчинялись наркому обороны Ворошилову. Многие сотрудники Ворошилова откровенно говорили о том, что нарком не только некомпетентен в военных вопросах, но и не особенно утруждает себя делами. Любит представлять и избегает решения серьезных проблем.

Сотрудник Института востоковедения Академии наук Владимир Михайлович Константинов до войны работал в Японии в военном атташате. В 1938 году его посадили. Незадолго до ареста вызвали к Ворошилову отчитаться о работе в Японии (см. книгу И. Латышева «Япония, японцы и японоведы»).

– Пока я, стоя перед наркомом, минут двадцать докладывал о проведенной в Японии работе, – рассказывал Константинов, – Ворошилов сидел молча, не глядя в мою сторону и не перебивая меня. А когда я завершил отчет, то он после некоторой паузы задал мне лишь один вопрос: «Ну, скажи честно, а с японкой ты все-таки хоть раз переспал?» Я бодро ответил: «Нет, товарищ нарком обороны!» – «Ну, и дурак, – ласково резюмировал Климент Ефремович. – Можешь идти».

Артузов привел с собой группу доверенных людей из иностранного отдела главного управления госбезопасности НКВД и расставил их на ключевых постах. Военных разведчиков пришествие варягов, ясное дело, раздражало. Артузов изменил структуру военной разведки, разделив ее на два основных отдела: 1-й (западный) и 2-й (восточный). При этом совершил большую ошибку – расформировал аналитический отдел, не видя в нем особой нужды.

Помимо рутинной разведывательной работы, Урицкий с Артузовым много занимались Испанией, где шла гражданская война, и Китаем, на который напали японцы.

Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев. Но он и не желал укрепления китайского правительства. Он одновременно помогал центральному правительству Чан Кайши в борьбе против японцев, и он же поставлял оружие коммунистической армии Мао Цзэдуна, чтобы она сражалась против Чан Кайши. Правда, все делалось скрытно, с соблюдением конспирации. Оружие военная разведка передавала китайским коммунистам через третьи руки, чтобы у правительства Чан Кайши не было формального повода для протеста.

В военной разведке Артузов проработал всего год с небольшим. Когда Генрих Ягода потерял пост наркома внутренних дел и начали убирать его людей, закачалось кресло и под

Артузовым. Меньше всего Артур Христианович мог считаться «человеком Ягоды», но ко всем чекистам, присланным в разведупр, теперь относились с подозрением.

Артузов пробовал объясниться с собственным начальником. 20 декабря 1937 года написал Семену Урицкому личное письмо:

«Прихожу к заключению, что Вы начинаете менять свое прежнее безупречное, глубоко партийное отношение к группе товарищей-чекистов, пришедших со мной. Не по моему ходатайству меня направили в Разведупр. Вы это знаете...»

Артузов жаловался на предубежденность Урицкого к бывшим чекистам, на то, что он дает указания отделам через голову своего первого заместителя, демонстрируя нежелание работать с теми, кто пришел из иностранного отдела ГУГБ НКВД. Вместо ответа Урицкий 11 января 1937 года вызвал Артузова и сказал, что нарком обороны распорядился заменить его более молодым и выносливым работником.

По поводу выносливости обиженный Артузов писал Сталину:

«Я действительно уезжал в три часа ночи с работы, а Урицкий еще оставался на работе...»

Но судьба Артузова была решена не потому, что он покидал свой кабинет раньше двужильного начальника. Сталин остался недоволен работой военной разведки в Польше, которую по-прежнему считал главным противником.

Артузова освободили от должности и вернули в аппарат НКВД. Зачислили на униженно маленькую должность научного сотрудника 8-го (учетно-регистрационного) отдела главного управления государственной безопасности НКВД (на правах помощника начальника отдела). Не зная, чем его занять, поручили писать книгу об истории органов госбезопасности к двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Артузов написал длинное письмо Сталину, перечисляя свои заслуги и подчеркивая разногласия с уже снятым Ягодой. Ответа не получил.

18 марта 1937 года Артузов выступил на активе руководящего состава НКВД. Его обвинили в том, что он проглядел польских агентов внутри иностранного отдела. Артузов взял слово, оправдывался, но безуспешно. На товарищеском ужине в Кремле Сталин пил за здоровье каждого из приглашенных. Когда дошел до Артузова, спросил:

– Как поживают ваши источники или, как вы их там называете, не дезинформируют ли они нас?

Вождь считал, что Артузов вместе со своими людьми сознательно снабжает политбюро дезинформацией. Последнее, что сделал в НКВД Артур Христианович, – отправил письмо новому наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову, в котором сообщил, что в архивах внешней разведки находятся донесения закордонных агентов, сообщавших об антисоветской деятельности маршала Михаила Николаевича Тухачевского и о существовании в Красной армии троцкистской организации.

Что можно сказать об этом поступке Артузова? Он в свое время руководил операцией «Трест», и это его подчиненные позаботились о распространении на Западе сведений о том, что Тухачевский будто бы настроен антисоветски.

Агенты ИНО ОГПУ установили связи с лидерами военной эмиграции, с эстонской и польской разведками, обещая им информацию о состоянии Красной армии. Они утверждали, что в состав подпольной организации входит немалое число военных, которые готовятся к государственному перевороту. Для того чтобы представить мнимую подпольную организацию авторитетной и могущественной, руководители иностранного отдела ОГПУ приняли решение сообщить через свою агентуру, что Тухачевский привлечен к «Тресту» и полностью на стороне заговорщиков.

Распространением сведений о принадлежности Тухачевского к заговору занимался Владимир Андреевич Стырне. Он с 1923 года работал в контрразведывательном отделе ОГПУ, ведал «Трестом» и был крайне заинтересован в том, чтобы операция получила как можно большие масштабы. Мнимое участие в подпольной организации такой фигуры, как Тухачевский, повышало ее привлекательность для белой эмиграции и иностранных разведок. В 1931 году, после чистки особого отдела ОГПУ, Стырне отправили сначала на Урал, потом перевели в Иваново. Два года комиссар госбезопасности 3-го ранга Стырне возглавлял управление НКВД по Ивановской области. В октябре 1937 года его арестовали и меньше чем через месяц расстреляли...

Осенью 1923 года посланные Кутеповым его доверенные лица Захарченко и Радкович настолько попали под влияние агентов ОГПУ, что подтвердили: Тухачевский тоже входит в антисоветское подполье! Вот и пошли в эмиграции разговоры о том, что Тухачевский – это красный Бонапарт, который готовится прийти к власти.

В какой-то момент в Москве сообразили, что нельзя компрометировать столь крупного военачальника. Артузов получил указание прекратить распространение слухов, компрометирующих Тухачевского. Вместо того, чтобы сообщить, что он отказался от антисоветской деятельности, на Запад сообщили, что внутри подполья возникли склоки, Михаила Николаевича оттеснили другие военные, и он ушел из монархической организации вместе с частью своих сторонников...

Таким образом, на Западе сохранилось представление о Тухачевском как о стойком враге советской власти. Эту тему уже открыто стала обсуждать западная пресса. Вся эта информация возвращалась назад в ОГПУ (а затем и в НКВД) по разведывательным каналам как агентурные данные и докладывалась Сталину, укрепляя его в том мнении, что Тухачевский опасный человек.

Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния, о дьявольских замыслах иностранных разведок, которые будто бы способны на все, могут даже государство развалить. Нет уж, ни одна иностранная разведка не способна нанести такой ущерб стране, как собственные спецслужбы. История Тухачевского это подтверждает...

В 1937 году судьба самого Артузова висела на волоске. Отставленный от дел, бывший начальник разведки был готов любыми средствами доказать своему начальству, что еще может пригодиться.

Получив письмо Артузова, начальник особого отдела НКВД Леплевский распорядился составить план активной разработки крупных военных:

«Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять их разработку под повседневный непосредственный контроль начальника 5-го отдела...

Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая 1937 года сотрудники особого отдела представили наркому Ежову справку по материалам, имевшимся в НКВД, на маршала Тухачевского. Вот так и родилось это дело, жертвами которого стали виднейшие командиры Красной армии.

Но Артузову помощь в создании этого липового дела не помогла. Поздно вечером 12 мая 1937 года Артузов был на партийном активе в клубе НКВД. Вернулся в свой кабинет за полночь сам не свой. Новый первый заместитель наркома внутренних дел Михаил Петрович Фриновский, который начинал свою карьеру в особом отделе 1-й конной армии, публично назвал Артузова шпионом.

Артур Христианович ходил по кабинету, возмущаясь тем, что ему не позволили ответить. Примерно через полчаса, когда уже наступило 13 мая (то есть за девять дней до ареста Тухачевского) сотрудники оперативного отдела пришли за Артузовым.

21 августа он был приговорен «тройкой» НКВД (председатель военной коллегии Верховного суда армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих, заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 2-го ранга Лев Николаевич Бельский, заместитель прокурора СССР Григорий Константинович Рогинский) к расстрелу.

В тот же день приговор привели в исполнение. Артузова расстреляли вместе с шестью другими разведчиками. В феврале 1938 года Комиссия партийного контроля при ЦК задним числом исключила Артузова из партии.

Сестре Артузова, Евгении Христиановне, которая сама побывала в ссылке, после смерти Сталина сообщили, будто ее брат умер 12 июля 1943 года в лагере. Это было вранье. В последней попытке скрыть масштабы репрессий в 1955 году решили сообщать семьям расстрелянных, что их родственник был приговорен к десяти годам лишения свободы и умер в заключении. Дату и причину смерти придумывали любую.

Начальник Артузова по военной разведке продержался немногим дольше. В июне 1937 года Семена Урицкого назначили заместителем командующего войсками Московского военного округа, а 1 ноября арестовали. Меньше чем через год, 1 августа 1938 года, комкор Урицкий был расстрелян как участник мнимого военного заговора...

Абрам Слуцкий. Чай с отравой

На посту начальника иностранного отдела ГУГБ НКВД Артузова 21 мая 1935 года сменил его заместитель, столь же опытный чекист Абрам Аронович Слуцкий.

Слуцкий родился в июле 1898 года в селе Парафиевка Борзнянского уезда Черниговской области в семье кондуктора железной дороги. Учился в гимназии в городе Андигане, там же работал на хлопковом заводе. В августе 1916 года его призвали в царскую армию, и он служил рядовым в 7-м Сибирском стрелковом полку.

После революции работал в том же Андигане в горкоме партии, в 1919-м был назначен председателем уездного революционного трибунала. В 1920 году его утвердили инструктором агитпоезда имени Сталина и заведующим бюро жалоб главной полевой инспекции Туркестанского фронта.

В сентябре 1920 года Слуцкого взяли в ВЧК. Он был председателем Пишпекской уездной чрезвычайной комиссии, начальником Андиганского уездной ЧК, начальником секретно-оперативной части Ташкентской, затем Ферганской ЧК.

Летом 1922 года его назначили заместителем председателя Верховного трибунала Туркестана, затем председателем Судебной коллегии. Летом 1923 года Абрама Слуцкого перевели в Москву сначала в органы военной юстиции столичного военного округа, потом почему-то назначили председателем ревизионной комиссии Госрыбсиндиката.

Из рыбной промышленности его перебросили в органы госбезопасности – заниматься экономическими преступлениями. В июле 1926 года его взяли в ОГПУ помощником начальника 6-го отделения экономического управления. Он проработал в этом управлении три года, постепенно поднимаясь по служебной лестнице.

1 января 1930 года Слуцкого неожиданно назначили помощником начальника иностранного отдела. Когда он освоился в новой сфере, в августе 1931 года получил повышение – стал заместителем Артузова. После ухода Артура Христиановича в военную разведку, 21 мая 1935 года, Слуцкий возглавил политическую разведку.

7 октября 1935 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР об установлении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были крапового цвета. На гимнастерку нашивался нарукавный знак красного цвета, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

Слуцкий был включен в список руководящих работников НКВД, которым постановлением политбюро от 26 ноября 1935 года присвоили новые специальные звания. Список начинался наркомом – Генрих Ягода стал генеральным комиссаром госбезопасности. Слуцкий получил высокое звание комиссара госбезопасности 2-го ранга (в армейской иерархии оно приравнивалось к званию генерал-полковника).

В июле 1934 года ОГПУ преобразовали в Наркомат внутренних дел. Все оперативные отделы объединили в главное управление государственной безопасности НКВД. Ради конспирации отделы стали номерными. С 25 декабря 1936 года иностранный отдел именовался 7-м отделом ГУГБ НКВД.

На разведчиков Абрам Слуцкий производил впечатление разумного человека. Слуцкий сам поработал в Берлине, поэтому хорошо понимал проблемы резидентов. Умный и вежливый человек, он был способен выслушать и понять подчиненного. При нем штаты разведки составили уже двести десять человек.

Слуцкий руководил работой сотрудников НКВД, которые были отправлены в республиканскую Испанию.

19 августа 1937 года нарком внутренних дел Ежов отправил совершенно секретную записку Сталину:

«Наш диверсионный отряд численностью в двенадцать человек под руководством т. Орловского и его помощника тов. Ярошениа Степана Павловича, находясь в глубоком тылу противника, 13 июня сего года в пятнадцати километрах северо-восточнее города Ель-Реаль (провинция Севилья), после ряда удачных операций наткнулся на засаду силой в тридцать человек. Во время перестрелки героически погиб наш работник тов. Ярошениа Степан Павлович.

Тов. Ярошениа был одним из руководителей организации взрывов поездов на железнодорожных линиях Севилья-Бадахос и Севилья-Касадыя.

Семья тов. Ярошениа состоит из жены Надежды Ивановны и двух детей – одиннадцати и шести лет, проживающих в деревне Красная Слобода – БССР.

Ходатайствую о награждении т. Ярошениа Степана Павловича орденом Красного Знамени, о выдаче семье т. Ярошениа, согласно существующих положений, единовременного пособия в размере двадцати пяти тысяч рублей и о назначении семье т. Ярошениа, как семье командира, погибшего в Испании, персональной пожизненной пенсии в размере пятисот рублей в месяц».

Сталин согласился, и 20 августа 1937 года предложение наркома было утверждено решением политбюро. Отправленные в Испанию чекисты боролись не только против франкистов, но и против троцкистов. Слуцкий сам побывал в Испании. Руководитель внешней разведки говорил своему подчиненному Вальтеру Кривицкому, позднее оставшемуся на Западе:

– Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающих туда со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, – они наши враги. Мы должны их выкорчевывать.

Присланные из Советского Союза чекисты получили приказ бороться с троцкистами, анархистами, анархо-синдикалистами. Указание было недвусмысленным: «Исключить троцкистов из всех антифашистских органов; троцкистов следует рассматривать не как антифашистов, а как авангард фашизма и агентуру гестапо».

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью Интернациональных бригад взять страну под контроль. Но его планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская. Члены ПОУМ – в отличие от испанских коммунистов – не желали подчиняться советскому генсеку и, напротив, симпатизировали Льву Троцкому. В партии состояло сорок тысяч человек – большая сила. Ее штаб-квартира находилась в Каталонии. Каталонские марксисты обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону.

В результате операции советской разведки, обладавшей обширной агентурой в Испании, ПОУМ была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 года сорок руководителей партии были арестованы по сфабрикованным резидентурой НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Арестовали и лидера партии Андреса Нина, одного из самых популярных испанских политиков. Но этого было недостаточно для Сталина. Нина вывезли из тюрьмы на машине и убили. В Испании полагают, что это сделали сотрудники советской разведки. В архивах нашлись телеграммы резидента политической разведки в Испании майора госбезопасности Александра Орлова относительно судьбы некоего «Николая», который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днем исчезновения Андреса Нина.

Ликвидация на языке разведки именовалась тогда «литерным делом». В августе 1937 года Орлов получил из Москвы указание уничтожить приехавшего в Испанию австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал ПОУМ и был сторонником Троцкого.

Александр Орлов докладывал в Москву:

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье... Но я надеюсь, что мы и этот литер проведем так, как вы этого от нас требуете».

Лидеры эмиграции и Троцкий – вот два главных объекта интереса советской разведки того времени. Причем задача состояла не только в том, чтобы следить за каждым их шагом, но и при первой же возможности уничтожить.

Трилиссер и Артузов подготовили похищение бывшего белого генерала Александра Павловича Кутепова, который жил в Париже и руководил Российским общевоинским союзом. Эту организацию, объединившую бывших офицеров Белой армии, в Москве считали самой опасной среди эмигрантских сообществ.

Операцию провели совместно иностранный отдел и созданная Менжинским особая группа при председателе ОГПУ, которой руководил Яков Исаакович Серебрянский, человек авантюрного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать лет. Он успел послужить в царской армии, на фронте был тяжело ранен. После революции наступило его время. Он служил в Красной армии и в ВЧК. После Гражданской войны поступил в Электротехнический институт, жизнь могла сложиться вполне мирно, но его арестовали как бывшего эсера. Через четыре месяца выпустили, но оставили под наблюдением. И тут о нем вспомнил старый знакомый Яков Григорьевич Блюмкин, тот самый, который убил германского посла Мирбаха и продолжал служить в органах госбезопасности. Он помог Серебрянскому вернуться на Лубянку. Осенью 1923 года его взяли в разведку. Он находился на нелегальной работе в Палестине, Бельгии и Франции. В 1929 году он вернулся в Москву и возглавил особую группу при председателе ОГПУ (в тридцать четвертом ее переименовали в спецгруппу особого назначения). Заместителем Серебрянский взял себе Наума Эйтингона.

В 1917 году юный Эйтингон вступил в партию эсеров, но быстро вышел. Осенью 1919 года присоединился к большевикам. 10 мая 1920 его взяли в Гомельскую губернскую чрезвычайную комиссию. Эйтингон вскоре стал помощником начальника главного – секретно-оперативного отдела губернской ЧК (см. работу А.Д. Карасева в «Сборнике памяти академика И. Минца»). В губернии было множество дезертиров и повстанцев – крестьян, которые восставали против продразверстки. Вот как шла борьба против бандитизма. Сотрудники секретно-оперативной части губернской ЧК жаловались:

«14 мая 1921 года мы прибыли в город Пропойск, где опертройка в составе уполномоченного по бандитизму губЧК Гросса, начотряда 39-го батальона губЧК Антонова и представителя губисполкома Балашкевича устроила пирушку.

15 мая мы приехали в Чериков, где вышеупомянутая тройка устроила пирушку, как в Пропойске, которая продолжалась до пяти часов утра. Из Черикова направились в местечко Краснополье, где опертройка заставила ежедневно доставлять им масло, яички и курей...

После этого начали производить операции. Все вещи и продукты, которые конфисковывали у крестьян, не заносили в протоколы, а устраивали дележку между собой».

Осенью 1921 года Эйтингону поручили расследовать деятельность командира отряда ЧК Черноморца. Он не нашел в методах этого бандита и авантюриста ничего дурного. Но комиссия

не закончила работы, как говорится в документе, потому что «на третий день приезда комиссии Эйтингон был ранен случайно в избе Черноморцем в ногу и не мог дальше работать». Вот так Эйтингон получил ранение в борьбе с бандитизмом, как это именовалось позднее. Ранение было тяжелым, зато спасло его от неприятностей, потому что гомельскими чекистами заинтересовались вышестоящие органы. Началось расследование, но Эйтингона уже перевели из Чернигова. Вот с таким опытом он пришел в центральный аппарат госбезопасности...

Яков Серебрянский похитил генерала Кутепова в январе 1930 года прямо в центре Парижа. Кутепова до Москвы живым не довезли, но Серебрянского все равно наградили орденом Красного Знамени. Вместе с Серебрянским в операции «Заморские» участвовал и Сергей Пузицкий из контрразведывательного отдела ОГПУ. Заслуги Пузицкого привели его на пост заместителя начальника особого отдела, потом полномочного представителя ОГПУ Северо-Кавказского края. В 1935 году ему присвоили звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года с должности начальника Дмитровского лагеря НКВД арестовали и расстреляли...

При Слуцком там же, в Париже, 22 сентября 1937 года похитили бывшего белого генерала Евгения Карловича Миллера, который стал преемником Кутепова на посту председателя РОВС. Миллера доставили в Москву и полтора года под именем Иванова держали во внутренней тюрьме НКВД. 11 мая 1939 года он был приговорен к высшей мере наказания. В тот же день бывшего генерала Миллера расстреляли.

К тому времени Слуцкий уже был мертв.

Руководитель советской разведки, награжденный двумя орденами Красного знамени и двумя знаками «Почетный чекист», скончался 17 февраля 1938 года прямо на рабочем месте. Его похоронили со всеми почестями, «Правда» поместила некролог. Но вокруг его скоропостижной кончины и по сей день ходят разные слухи.

17 февраля Слуцкого пригласил к себе первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский. Через полчаса к Фриновскому срочно вызвали заместителя начальника разведки Сергея Михайловича Шпигельгласа. В просторном кабинете замнаркома Шпигельглас увидел неподвижное тело Слуцкого, упавшего с кресла. На столике перед ним был стакан чая и тарелка с печеньем. Шпигельглас предложил вызвать врача. Фриновский сказал Шпигельгласу, что врач только что заходил:

– Медицина тут бессильна. Сердечный приступ.

Уже арестованный Николай Иванович Ежов, бывший нарком внутренних дел, на одном из допросов подписал показания, из которых следует, что это он распорядился убить начальника разведки. Из показаний Ежова следует, что когда пришел Слуцкий, в кабинете первого заместителя наркома уже находились Заковский и Алехин. Они и отравили начальника разведки.

Леонид Михайлович Заковский был заместителем наркома внутренних дел и начальником управления по Московской области.

Капитан госбезопасности Михаил Сергеевич Алехин был заместителем начальника 12-го (оперативная техника) отдела ГУГБ НКВД. Они оба были арестованы вслед за Ежовым. Заковского расстреляли в 1938-м, Алехина, «немецкого шпиона», – в феврале 1939 года.

История с отравлением вызывает сильные сомнения.

Уже после смерти, в апреле 1938 года, Слуцкий был исключен из партии как «враг народа». Иначе говоря, если бы не умер сам, его бы посадили и расстреляли. Слуцкий был тяжелым сердечником. Как и председатель ОГПУ Менжинский, принимал посетителей, лежа на диване. Скорее всего, он умер от сердечного приступа.

А Ежова следователи заставляли признаваться в преступлениях, которые он не совершал. Бывшего наркома внутренних дел приговорили к смертной казни «за измену Родине,

вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств неугодных лиц»...

Что касается первого замнаркома внутренних дел Михаила Фриновского, в кабинете которого ушел из жизни Слуцкий, то это был недоучившийся семинарист, примкнувший к анархистам. Фриновский был в гражданскую помощником начальника особого отдела Первой конной армии, участвовал в операциях по захвату штаба Нестора Махно и ликвидации отрядов генерал-хорунжего Тютюника на Украине, потом командовал пограничными войсками.

Рассекречено одно из спецсообщений, которое первый заместитель наркома внутренних дел Михаил Фриновский отправил Сталину:

«31 мая сего года на Ладожском озере убита ворона, на которой обнаружено кольцо за № Д-72291 с надписью „Германия“.

Одновременно вблизи деревни Русыня Батецкого района Ленинградской области коршуном сбита ворона, на которой имелось кольцо за № Д-70398 также с надписью „Германия“.

3-й отдел главного управления госбезопасности НКВД полагает, что немцы при помощи ворон исследуют направление ветра с целью использования их в чисто диверсионных и бактериологических целях (поджог населенных пунктов и скирд хлеба)».

Таков был уровень чекистов, которые считали, что информируют главу государства о диверсионной деятельности нацистской Германии. Но самое поразительное состоит в том, что Сталин внимательно прочитал сообщение и не возмутился тому, что ему шлют с Лубянку какую-то чушь. Неужели воспринял сообщение о воронах, окольцованных орнитологами, всерьез?

Сергей Шпигельглас. Похищение в Париже

После смерти Слуцкого, с 17 февраля 1938 года, обязанности начальника разведки исполнял Сергей Михайлович Шпигельглас. Он родился в Варшаве в 1897 году, окончил реальное училище и поступил на юридический факультет московского университета. Прямо со студенческой скамьи его призвали в царскую армию, он служил прапорщиком в запасном полку. После революции служил в московском военном комиссариате.

В 1918 году Сергея Шпигельгласа взяли в особый отдел (военная контрразведка) ВЧК. Он работал в контрразведывательном и оперативном отделах, потом попал в Иностраннный отдел, поскольку свободно говорил по-немецки, по-французски и по-польски. Работал в Монголии и во Франции. Жена одного из разведчиков вспоминала: «Шпигельглас – толстый, светловолосый маленький человек с выпуклыми глазами».

Шпигельглас непосредственно руководил обширной агентурной сетью советской политической разведки среди русской военной эмиграции.

Он был умелым и изобретательным разведчиком. Бумаги, подписанные Шпигельгласом, выдают в нем смелого и решительного оперативника и резко отличаются от сухих и лишенных налета интеллекта донесений его коллег по разведке. В середине тридцатых годов он подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже, чтобы непосредственно руководить наиболее важной агентурой.

Шпигельглас выбрал себе оперативный псевдоним, который сегодня кажется, мягко говоря, странным – «Дуче». Так именовали вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини. Но в начале тридцатых слово «дуче» не звучало так одиозно. Советский Союз поддерживал с фашистской Италией полноценные отношения.

Приехавший во Францию Сергей Михайлович Шпигельглас превратил в ценнейший, незаменимый источник информации недавно завербованного Сергея Третьякова.

Можно предположить, как изумились бы не только деятели русской эмиграции, но и многие видные парижане, узнай они тогда, что Сергей Николаевич Третьяков работает на советскую разведку. Третьяков! Крупнейший российский промышленник, до октябрьской революции – один из бесспорных лидеров московских деловых людей, министр Временного правительства, министр в сибирском правительстве адмирала Колчака... В первые годы эмиграции заметная фигура. Но постепенно он отходит в тень. Устроиться на чужбине он не смог. Мучительно искал выхода. И нашел, согласившись работать на советскую разведку.

У Шпигельгласа возникла идея, реализация которой превратила Третьякова в одного из самых ценных агентов в Париже.

Последние годы Сергей Третьяков, поссорившись с женой, жил отдельно от семьи. Шпигельглас обратил внимание на то, что семья Третьякова снимает три квартиры в доме, который очень интересовал советскую разведку.

В доме № 29 на рю дю Колизе находились канцелярия Русского общевойскового союза, объединявшего военную эмиграцию. Русский общевойсковой союз в Москве воспринимался как источник постоянной опасности и как главный враг.

По счастливой для советской разведки случайности Третьяков снимал в том же доме три квартиры. Одну, побольше, как раз над штабом РОВС, и другую, поменьше, рядом. В третьей квартире поселилась семья Третьякова. И у Шпигельгласа родилась новаторская по тем временам идея: установить подслушивающую аппаратуру и записывать все разговоры, которые ведутся в святой святых РОВС!

В кабинете председателя РОВС советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, хотя это оказалось непростым делом. 12 января 1934 года началось постоянное подслушивание разговоров, ведущихся в кабинете председателя РОВС Евгения Карловича

Миллера. Подслушивающая аппаратура в переписке Иностранного отдела с парижской резидентурой именовалась «Петькой».

Магнитофонов еще не существовало. Почти ежедневно по несколько часов Третьяков, агентурный псевдоним «Иванов», надев наушники, старательно записывал все, что ему удалось разобрать. «Петька» оказался далеко не идеальным механизмом, так что временами работа эта была истым мучением. Он научился распознавать собеседников по голосам. Затем он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки.

24 ноября 1934 года Шпигельглас обратился в Центр:

«Считаем нужным отметить проявленную „Ивановым“ добросовестность и преданность работе. В ночь на 23 ноября он серьезно заболел и, несмотря на крайне болезненное состояние, все-таки целый день работал, как вы увидите из записей».

4 декабря Центр ответил:

«За добросовестную и преданную работу выдайте ему пособие на лечение в размере по вашему усмотрению, но не превышая месячного содержания».

Шпигельглас отчитался:

«„Иванова“ за добросовестную работу я наградил суммой в 2000 франков. Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть».

Сначала операция называлась «Дело „Крот“», потом переименовали в «Разговор вокруг кнопки», а затем окончательно – в «Информацию наших дней», сокращенно ИНД. Шпигельглас сообщил в Москву, что информацию такой точности резидентура не имеет даже от лучших агентов внутри РОВС. Недавно созданное главное управление государственной безопасности Наркомата внутренних дел интересовали прежде всего данные о заброске разведывательных и террористических групп: схемы действий, цели, методы проникновения на советскую территорию. Эти сведения и искали в записях разговоров.

Сергей Михайлович Шпигельглас дорос в октябре 1936 году до должности заместителя начальника иностранного отдела. Получил специальное звание – майор госбезопасности. Майор госбезопасности носил в петлицах один ромб – как комдив, то есть приравнялся к генералу. Сергей Шпигельглас обладал правом напрямую отправлять Сталину разведывательные сводки ИНО ГУГБ.

Он руководил похищением главы РОВС генерала Миллера.

22 сентября 1937 года генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер появился на парижской улице Колизе в половине одиннадцатого утра. Миллера по-прежнему именовали генералом, и он считал себя находившимся на службе, хотя давно переделся в штатское. Как и его сотрудники в Русском общевойсковом союзе. Все они были эмигрантами, все они вынуждены были покинуть родину, проиграв Гражданскую войну и не желая покориться победителям – большевикам.

Миллер занимался делами бумажного свойства у себя в кабинете. А в начале первого ушел, объяснив своему подчиненному – начальнику канцелярии РОВС генералу Павлу Александровичу Кусонскому, что у него назначено свидание в половине первого, после чего он намерен возвратиться на службу. Стоял теплый сентябрьский день, и Евгений Карлович не взял с собой пальто, о чем впоследствии сильно пожалел.

В канцелярию РОВС, объединившего русскую военную эмиграцию, Миллер больше не вернулся.

План похищения, разработанный оперативной группой советской разведки, сработал.

Многолетний агент советской разведки, бывший генерал Белой армии Николай Владимирович Скоблин (муж выдающей певицы Надежды Васильевны Плевицкой), который дружил с Миллером, привел его на встречу с прибывшей из Москвы оперативной группой. Евгения Карловича втокнули в дом, арендованный советским полпредством, и все было кончено. Его одурманили хлороформом, уже в бессознательном состоянии заткнули рот и связали руки и ноги. Через несколько минут к дому подкатил новенький восьмицилиндровый грузовичок компании «Форд», приобретенный советским полпредством. В грузовик погрузили большой и тяжелый ящик, его вынесли вчетвером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.